

Дмитрий Николаевич Пушкарев

НА ЗАДВОРКАХ ВОЙНЫ.

Мягкое кресло податливо склонилось под массой человеческого тела. Аристократические пальцы рук отбили отрезок популярной мелодии по деревянной поверхности ручки. Не усидев и минуты, Федор Платонович встал и, поправив темный костюм, мерно зашагал взад и вперед по директорскому кабинету средней школы. Скрип темно-коричневых ботинок разбудил тишину. Заложив руки за спину, директор обвел добрым взглядом деревянные стены кабинета, небольшие картины в рамках, подаренные учениками, горшки с цветами на окне. Отодвинул занавеску с окна и посмотрел на часы, словно важна была каждая секунда, полил из лейки кактус, устроившийся между лимонными деревцами на подоконнике.

- Однако, - обратился директор ко второму из лимонных братьев, оставив одну руку за спиной, а второй потянувшись к едва распускавшемуся цветку. - Пахнет лимоном! - гордо заключил он, нагнувшись вплотную к растению, и вместе с улыбкой в уголках его светлых глаз собрались морщинки.

Федор Платонович взглянул в окно: поздняя зима разрисовала стекло причудливым узором. Набрав полные легкие, директор выдохнул теплый воздух прямо на окно и быстрыми движениями протер выступивший налет.

За окном показалась заснеженная улица. Фонарь раскачивался в такт с ветром, освещая небольшие участки тротуара. Снежинки переливались всеми цветами радуги на свету, пропуская прохожего с поднятым воротником пальто.

Улыбнувшись какому-то воспоминанию из прошлого, директор продолжил недавний маршрут. Как же он любил вот так, вечерами, когда последний ранец унесет закрутившегося ученика на другой конец деревни, побыть одному, в окружении тетрадей и учебников.

Будучи директором школы, а также учителем истории, Федор Платонович Репнин обожал тайны и закоулки своего предмета. Вместе с тишиной представлял он себе исходы войн и решающие схватки на подернутой стариной карте воображения. Чаще историк представлял себя в теле Николая Васильевича Репнина - участника турецкой войны и своего далекого предка.

В этот фонарно-школьно-деревянно-зимний вечер, когда перед глазами директора вновь показались большеносые профили супостата, а рука шарила на уровне пояса в поиске меча, в дверь неуверенно постучали.

- Кто там? - прорычал директор, словно за дубовой дверью мог оказаться хитрый турок с бегаящими угольками вместо глаз.

- Я только хотел узнать, - показалась из-за двери знакомая физиономия сторожа Ваньки.

- Слушаю, - изменился в голосе директор.

- Вы скоро домой? - спросил Ванька, вытерев сопливый нос рукавом грязного бушлата. - Говорят, война началась, - добавил он спокойно, словно на улице пошел дождь.

- Начало войны есть начало ее конца, - спокойно заметил директор. - А конец всегда не за горами.

- А где же? - не понял значения фразы Ванька, потеряв один сапог о другой.

- Ближе, Ванюша, намного ближе, - Федор Платонович взял небольшой портфель у ножки рабочего стола и направился к выходу. - Ну, пойдём.

Прикрыв за директором скрипучую дверь, Ванька состроил досадную гримасу на лице, будто его задела за живое.

- Смазать тебя надо, - выпалил он, погрозив кулаком двери. - Не дело это. Эх, не дело.

Тем временем Федор Платонович уже приближался к выходу, миновав узкий коридор, освещенный лишь светом уличного фонаря. Подтянув тяжелый тулуп, Ванька со всех ног бросился

за директором и уже через какие-то секунды стоял рядом с возвышающейся фигурой уважаемого человека. По натуре Ванька был из тех, кто уважает знания и всякую мудрость, но сам далек от них. Еще в детстве дворовые ребята научили его стихотворению "про ученого кота на дубе том...", и теперь при каждой возможности Ванька не упускал случая козырнуть проблеском ума. Местные барышни падали с хохоту при виде его и прозвали Ваньку "ученым котом" - уж слишком часто, с серьезным выражением лица где надо и не надо вставлял школьный сторож свой единственный, а потому и излюбленный стих.

Подбежав к директору школы, Ванька горделиво, словно открывал входную дверь самому Цезарю, потянулся к ручке.

- Подожди, - мягко прикоснулся к его руке Федор Платонович. - Слышишь?

- Неа, - удивленно произнес Ванька, обернувшись.

- Тишина. - Директор поднял вверх указательный палец.

- Ну да.

- Нет, Иван. Это не "ну да"! Это тишина.

Директор помолчал какое-то время, затем продолжил:

- Оглянись вокруг. Спокойствие и безмятежность. И тишина. А знаешь ли ты, что именно в тишине были созданы величайшие творения человеческого гения?

Ванька, с глуповатой улыбкой на лице, развел руками в стороны. Федор Платонович снисходительно посмотрел на него.

- Тишина, друг мой, она помогает понять самого себя, - заключил он и дернул за ручку входной двери. - Что ж, прощай, Ванюша. Доброй тебе ночи.

- И вам доброй, спокойной ночи, - немного с опозданием выпалил Ванька, очнувшись. - "Ну вот, - добавил он про себя. - Теперь придется всю ночь самого себя понимать!"

Накинув черное пальто с меховым отворотом, директор оказался на школьном крыльце. Белый снег приветливо хрустнул под ногами. Прижав портфель к груди, Федор Платонович спустился с крыльца и побрел по вычищенной тропинке. Ветра не было, и маленькие снежинки падали каскадом прямо на пальто. Было темно, дорогу в деревню освещала лишь вымытая луна, не считая тусклого света деревенских окон впереди. Теплый воздух, клубившийся изо рта, превращался в сгусток пара и тянулся к небу. Глядя на него, Федор Платонович вспомнил школьные годы. Точно так же выходил воздух изо рта маленького Феди, когда тот съезжал с горки на новых разукрашенных санках, подаренных родителями за очередную пятерку по истории. Директору школы вспомнился и учитель истории - грузный Семен Моисеевич Меламед.

- Вы знаете, - поправил старые очки на переносице Семен Моисеевич, обращаясь к Фединым родителям. - Мальчик очень умный. У него отличная память на даты!

Скорее всего, слово "отлично", выделенное из фразы Семена Моисеевича, и повлияло на покупку новых санок.

Как бы то ни было, старик-историк не ошибся. У мальчика и впрямь были "отличные" способности к знаниям. Так, после школы Федор Платонович поступил в Московский пединститут, а закончил с отличием Могилевский по схожей специальности.

В свои тридцать семь он твердо приминал ногами снег, спеша к родной деревне под названием "Устье", к дорогой супруге и троим детям.

Вскоре неровная тропинка резко повернула за заснеженный бугор, и сразу же за ним показались по обе стороны широкой дороги дома. Во дворах спали голые березки, мирно склонившись к земле. В освещенных окнах мелькала жизнь, разыгрывая поздний спектакль теней. Плотный наст снега запеленал крыши домов, слившись с луной в едином свете. Было как-то по-особенному тихо, и только лай неугомонных собак доносился с другого конца деревни.

Миновав несколько домов, Федор Платонович свернул к одному из них. Отодвинул замерзшую щеколду на калитке деревянного забора, вошел во двор и остановился перед домом, медленно опустив с груди холодный портфель. Дом в три окна смотрел прямо на директора школы - Федор Платонович смотрел на дом. Заглянув в эти голубые глаза, можно было бы увидеть светлый

колодец с кристально чистой водой на дне. Прямой взгляд этих глаз был наполнен добротой и бесконечной любовью.

Из приоткрытой форточки послышался веселый детский смех, и, улыбнувшись, директор школы поспешил в дом.

- Папа пришел!!! - раздалось на пороге веселые голоса, и океан маленьких ручек обвил его шею, руки и ноги. Складка исчезла на мужественном лбу, и строгий учитель мгновенно превратился в любящего отца.

- Как же мне вас не хватало, - произнес он, ласковым взглядом обводя своих детей.

Тринадцатилетний Аполлон обнимал отца за шею и был как две капли воды похож на него.

Высокий рост, благородные черты лица, гордый профиль. Он, как и отец, хотел стать учителем истории и директором школы. Второй же сын, Иван, тормозивший отца за руку, был младше старшего на пять лет, учился во втором классе и не унаследовал рвения к учебе. Вместо этого он днями гонял в футбол с соседскими мальчишками, приходил домой весь грязный, и в его вечно растрепанных волосах всегда можно было найти соломинку другую. Глядя на него, Аполлон обычно отряхивал свой безупречно чистый костюм, словно это он, а не Ваня пришел домой весь в грязи.

- Понять отношение человека к жизни можно, взглянув на его одежду, - всегда повторял он придуманный афоризм.

В такие моменты Ваня лишь смеялся от души и отвечивал поклоны старшему брату.

- Вы как всегда правы, ваше стирально-святейшество, - корчил рожи Иван. – Разрешите'с откланяться!

- Дурак ты, Ванька, - парировал Аполлон, вскинув густую бровь и подняв подбородок.

Не имея больше мочи, Ваня в такие моменты заливался хохотом и катался по всему дому. А маленькая Лиля, чей возраст едва перевалил за два годика, внимательно наблюдала за старшими братьями из маленькой кроватки и тоже смеялась, бойко и весело.

Именно ее маленькие ручки обвили большую ногу большого папы. Ее маленькая головка поднята вверх, а большие отцовские глазки хлопали вместе с длинными ресницами.

При взгляде на дочь большое сердце сжалось в груди Федора Платоновича, и уже в следующий миг он отбросил в сторону портфель и поднял ее перед собой, обнял и поцеловал.

- Какая же ты у меня все-таки красивая! Совсем, как твоя мама!

Ваня и Аполлон, словно по невидимому щелчку отошли в сторону. Аполлон вытянулся в струнку и заложил руки за спину. Иван же вольготно оперся спиной о стену. Они глядели на отца и маленькую сестренку, а в глазах светился восторг с примесью светлой зависти.

Внезапно и очень тихо из-за дверей амбара показалась мать троих детей и верная супруга.

- Александра! - при виде жены воскликнул Федор Платонович. - Не иначе, как молочные ванны Поппеи Сабины обновляют твою неземную красоту с каждым днем!

При этих словах Александра покраснела, потупила взор и машинально стала считать количество забитых гвоздей в деревянном полу. Ей шел тридцать первый год, но природа упорно насчитывала на добрый десяток меньше. В плывущие по реке, венково-ромашковые годы Александра слыла одной из первых красавиц в округе. Когда Федор Платонович впервые увидел свою будущую супругу, ему было 22. В душе гремел вихрь, в голове - исторические даты. Дело было летом. Возвращаясь на двуколке из Москвы (он тогда еще был студентом педагогического института), будущий директор школы проезжал мимо одной из деревень на пути к родному дому. Летний ветер дул в лицо, раздувая на крепком теле модную в те годы рубаху. Голова поднята кверху, во рту соломинка, глаза полуприкрыты - внешний вид выдавал аристократа и ужасного выскочку. Вдруг во дворе одного из домов показалась молодая девушка в желтом платье, с длинной косой, коромыслом и двумя пустыми ведрами. Девушка направлялась к колодцу неподалеку от дома. Увидев ее, будущий историк чуть не вывалился из двуколки. Соломинка выпала изо рта, и Федор Платонович, позабыв всякие аристократические манеры, заорал не своим голосом:

- Тормози!

Испугавшись, извозчик дернул на себя поводья. Лошади дико заржали и резко остановились, зарывшись копытами в землю.

Внезапно затормозив, двуколка остановилась, как вкопанная. Федор Платонович, не удержавшись, упал и ударился лбом. Извозчик ошарашено смотрел по сторонам не в силах сообразить, что произошло. Поднялось облако пыли.

В это время красивая девушка с длинной косой поставила ведра у колодца и с любопытством посматривала на столб пыли, образовавшийся на проселочной дороге. Тут из пыли выбежал молодой человек. Одной рукой он приглаживал взъерошенные волосы, другой потирал покрасневший лоб. Модная рубаха на нем помялась, выбившись из-за ремня на поясе. Молодой человек быстрым шагом направился к колодцу.

Увидев подобную решимость, Александра громко вскрикнула, бросила ведра и со всех ног устремила к дому. Разобравшись с волосами и поправив рубаху, молодой человек изменил вектор движения, последовав за девушкой. Только она успела запереть за собой дверь и добежать до своей комнаты, как в дверь настойчиво постучали.

- Кого там еще занесло? - слышался из-за печки голос Елизаветы Павловны - грузной женщины и матери Александры. - Саша, поди, дочка, посмотри.

- Не могу, - еле слышно отозвалась Александра.

- Это почему еще?

- Боюсь, - еще тише добавила она.

- Господу Иисусу мы молимся! - Пролетела старуха. - Поди сам черт стоит за дверью!

- Он самый...

Вместо ответа раздался сильный кашель вперемешку со смехом. В дверь еще раз постучали. На сей раз более настойчиво.

- Сашка, что за взбалмошная ты барышня? Поди, открой, - раздраженно повторила Елизавета Петровна.

- Не могу...

Послышалось шуршание на печи.

- Святые по сторонам, мать Божья позади, Христос впереди, - запричитала старуха, слезая с печки. - Щас я покажу тебе черта.

Согнувшись в три погибели, она с трудом доковыляла до входной двери. Настойчивый стук со стороны улицы не прекращался.

- Кого там еще носит?! - вскричала Елизавета Петровна, открывая деревянную дверь. - Эх, Сашка, вечно ты на сто засовов закроешь. Не уж то, миллионы под кроватью хранишь?

Открыв дверь, старуха сощурилась от яркого дневного света. На пороге стоял, приготовив поднятую руку для очередного стука, Федор Платонович. Его одежда, как и лицо, была вся в пыли. Только небольшие круги вокруг глаз были кое-как протерты, что еще больше придавало будущему педагогу вид пьяницы, конюха, завсегдатая трактиров и разгульных кабаков.

- Святые угодники! - испугалась старуха, отшатнувшись и приложив руки к груди. - И впрямь черт!

А ну сгинь нечистая!

Схватившись за веник в углу, Елизавета Павловна очнулась от шока и кинулась на прищельца.

Федор Платонович поспешил спрятаться за дверью:

- Одну минуточку, - вскричал он. - Я возражаю! Я требую!

- Сейчас, паскуда придорожная, - визжала старуха, нанося веником удар за ударом по двери. - Сейчас я возражу тебе, шалашовка приболотная!

Тем временем из соседских окон показались удивленные физиономии. Кто-то выбежал на крыльцо. Одни смеялись, другие стояли с открытыми ртами. Даже Александра не без интереса выглянула из-за шторы в глубине дома.

Наконец, Елизавета Павловна выбилась из сил. Веник в руке истрепался, седой локон выбился из редкого массива волос, по лбу стекали капли пота. Из-за двери показалось озабоченное лицо

будущего учителя.

- Теперь я могу выйти?

- Выходи, лещ глубоководный, - прокашлялась старуха. - Каким визитом занесло тебя? - добавила она уже более мягко.

- Для начала здравствуйте, - ответил Федор Платонович, выходя из-за двери. Он кинул взгляд в глубину дома, заметил Александру и широко улыбнулся. Встретившись с ним взглядом, девушка скрылась из виду. Сердце в юной груди вдруг сжалось, она закрыла глаза и перед ними встала недавняя улыбка незнакомца. "Черт, а все же милый," - промелькнуло в ее голове.

- Уже знакомы, - оборвала Елизавета Павловна. Улыбка молодого человека, как и его пылающий взор, не остались для нее незамеченными. - По какому делу прибыл?

- Вы, наверное, не за того меня приняли, - начал пришелец. - Я будущий учитель истории и учусь в институте.

При этих словах молодой человек выпрямился, стараясь придать себе как можно больше аристократичности.

- Ой, врешь, - сощурилась старуха.

- Никак нет. Я учитель. А там моя двуколка...

Елизавета Павловна украдкой поглядела на дорогу. Пыль рассеялась, а на дороге и впрямь стояла повозка, извозчик которой поглаживал уставших лошадей.

- Продолжай, милоч, - изменилась в голосе старуха, внезапно преобразившись и внешне. Незнакомец продолжал.

- В 1812 году Наполеон Бонапарт...

- Да знаю, знаю, - оборвала Елизавета Павловна пытавшегося историческими фактами доказать свое прямое отношение к высшим слоям общества, жеманно вскинув кисть руки. - Ближе к делу!

- Жениться я приехал, - покраснел Федор Платонович, а вместе с ним и Александра, вновь показавшись, но уже в дверях. Сердце выпрыгивало из девичьей груди. Елизавета Павловна посмотрела на учителя, затем на дочь, и вновь на Федора Платоновича. Помолчала и, сдвинув брови, спросила:

- На ком ты жениться собрался, мил человек?

- На ней, - робко посмотрев на Александру, ответил будущий учитель истории. Пальцы его рук нервно теребили подол рубахи. Девушка на миг посмотрела прямо ему в глаза и вновь потупила взор. Сама судьба одним взглядом приковала молодые сердца навек невидимыми нитями любви.

- Э... нет, - вмешалась старуха, запутавшись в чужих сетях, нитях, или как их там? - Так дело не пойдет. - И захлопнув входную дверь перед самым носом дочери, добавила. - Александре всего шестнадцать. Так что ступал бы ты!

- Куда ступал? - недопонял Федор Павлович.

- Восвояси, милоч. До женитьбы еще лет так пару, - сказала старуха и вновь громко раскашлялась.

- На твоём веку еще уйма барышень будет. Ступай. А вам еще чего? - обратилась она уже к глазевшим соседям. - Жениха надо? Берите! С двуколкой отдаю!

Послышался смех. Тут и там смеялись люди, некоторые хватались за животы, другие и вовсе падали с хохоту. Федор Платонович не только был весь в пыли, но и чувствовал себя облитым грязью с головы до пят.

- Я приеду через два года, - твердо заявил он.

Ехидно ему улыбнувшись, Елизавета Павловна скрылась за дверь.

- Калитку во дворе не забудь закрыть, - на прощание добавила она.

Помявшись секунду другую на крыльце, Федор Платонович тем же уверенным шагом, под соседский хохот и свист направился к двуколке.

- Але-ксан-дра, - произносили по слогам засохшие от жары губы. - Какое прекрасное, историческое имя. Совсем как величайший город на севере Египта...

И он, как водится за людьми слова, сдержал свое. Совсем новенький и с наградами (одна из которых была заслуженному парашютисту), уже свершившийся учитель истории прибыл на

крыльцо того же дома два года спустя. Сыграли свадьбу, а соседи все никак не могли поверить, что грязный "конюх" оказался таким принцем. Все были счастливы - и пир горой. В тот день, изрядно охмелев, больше всех выступала Елизавета Павловна.

- Эк черт знатным господином обернулся, - горланила она. И уже тише, привычно сощутив глаза, продолжала. - Учитель истории... Говорят, человек знатный.

В день свадьбы молодые сидели во главе стола и то и дело поднимались из-за него, каждый раз реагируя поцелуем на выкрики "Горько! Горько!". В тот день Федор Платонович рассмотрел каждый миллиметр лица возлюбленной...

И столько лет спустя, уже в матери троих детей, было все прекрасно: глядя на густые темные волосы, ниспадавшие на тонкие плечи, невольно переводил он взгляд на полные жизни губы, прямой нос и полные характера брови, в тени которых сверкали голубыми бриллиантами глаза. В них-то и сосредоточилась вся сила жизни, любви и самопожертвования. Но в тот вечер, придя вечером домой и обнявшись с детьми, Федор Платонович разглядел в них что-то еще.

- Дорогая, все ли хорошо? - озабоченно спросил он, аккуратно опустив Лилию на пол и подойдя к супруге. Глаза супругов встретились.

- Да... - снова отведя взор, прошептала Александра.

Что-то кольнуло директора школы и любящего мужа в самое сердце. Он взял жену за руки и вновь попытался заглянуть в родные глаза. Дети убежали играть в большую комнату с печкой. Оттуда урывками доносился мальчишеский спор и совсем детский, словно солнечный лучик, смех. Не в силах более отводить глаза, Александра твердо посмотрела в глаза мужу. На ее глаза накатывались слезы.

- Что случилось? Тебя кто-нибудь обидел? - не унимался Федор Платонович, плотно сжав губы.

- Война ведь..., - еле различимо пробормотала женщина. - За детей страшно...

Наступила тишина. Федор Платонович крепко прижал к себе супругу и почувствовал на своей шее теплые слезы. В этот момент раздался бой настенных часов – штамп, подкрепляющий произнесенные слова. На бумажном календаре под часами проступали тусклые числа 1942.

...

Деревня мирно спала. Над одинаковыми домиками проплывали ватные диски облаков. Лунный свет густыми мазками окрасил всю картину в темно-синие с тихим отблеском тона. В доме Федора Платоновича тоже все спали. Заходя в этот дом, человек оказывался на небольшой остекленной веранде, служившей столовой. По правую руку стоял буковый стол со стульями, за ним шкаф с посудой, подаренной в день свадьбы. Слева висели часы, прямо, на некотором расстоянии друг от друга стояли две тумбочки, схожие, как римские легионеры. На веранде всегда было прохладно, как и в амбаре, массивная дверь в который располагалась напротив букового стола. В нем стояли две увесистые полутороспальные кровати с толстыми матрасами и шкаф. Из-под одной кровати выглядывала рыболовная сеть. В амбаре, или в спальне, на разных кроватях спали супруги. Это повелось совсем недавно, после того, как Федор Платонович начал "задавать тон". Как-то ему в руки попала иллюстрированная книга этикета, в которой чопорные англичане спали на разных кроватях. Директор школы же, прививающий как в доме, так и на работе аристократические манеры, счел нужным быстренько внести в амбар вторую кровать. Широты восприятия ради, можно сказать, что супруги только ложились спать порознь. Но уже спустя каких-то минут пятнадцать, видный аристократический деятель, забыв о всяком этикете, забирался в постель к любимой женщине, заботливо укрывал ее одеялом, целовал на ночь и прижимался ближе, дабы греть возлюбленную на протяжении всей ночи...

Покинув "английский" амбар, попадаешь вновь на веранду, и только свернув направо, оказываешься в коридоре средних размеров, служащем кухней. На стенах висят полки с травами, маслами, консервированными банками и солью. Здесь можно найти также миски, чашки, кастрюли и другую утварь. В углу разместился мешок с картошкой - именно на нем так любила сидеть, болтая маленькими ножками, Лилия и наблюдать за действиями матери, смотреть на пар из кастрюли и слушать звяканье посуды в раковинке.

Пройдя прямо по коридору, можно было попасть во внутренний двор. Там под деревянной крышей дружно устроились тройка баранов, десяток кур и петух, вечно прохаживающийся взад и вперед по гарнизону - большой охапке сена посреди двора. Сразу же за двором шел небольшой садик с вишней, сливой и яблоней, среди которых стояла деревянная скамейка с видом на широкое поле, в плодородные месяцы засаженное картофелем. Во время сбора урожая сосед дядя Леня всегда окучивал на своей лошади все пределы поля, ругаясь на всю деревню отборным матом.

- Уши в трубочку заворачиваются, - негодуя, высказывался Федор Платонович, протирая потный лоб платком бордового цвета с инициалами А.Ш., подаренным ему одной из воздыхательниц в студенческие годы, о которой он предпочитал умалчивать. Хотя по слухам, ходившим в кругу его родни, то был бурный роман и вполне заслуживал яркого названия и бархатной обложки. Однако то было давно, и наверняка наличие семьи вытеснило все другие воспоминания. По крайней мере, с мужской стороны...

С минуту помявшись под яблоней, Федор Платонович огибал ее с левой стороны, делал несколько шагов и оказывался прямо напротив туалета, вход в который раньше был прямо напротив двора. Как-то в конце лета на закате дня шагая привычной тропой, Федор Платонович оказался у туалета. Он машинально оглянулся на картофельное поле и застыл в таком положении. Вдали за полем стоял густой лес, над кронами деревьев садилось уставшее за день солнце. Прямо над ним алела тонкая полоса облаков, уходившая прямо за горизонт. Директор школы простоял неподвижно до тех пор, пока лес совсем не проглотил горящий диск.

На следующий же день туалет был выкопан тем же матерщинником дядей Леней и вкопан обратно с выходом "на закат".

- Дерьмо кругом, - ругался дядя Леня, приминая грязным сапогом рыхлую землю вокруг туалета. - Куда ни глянь, одно дерьмо!

Вернувшись со двора в дом и проходя коридор, в паре шагов от веранды можно было свернуть еще в одну комнату - самую большую, в три окна. Прямо посередине комнаты стояла печь. В ней Александра обычно пекла пироги и другие шалости для детей. На печи же обычно гордо восседала Лиля, куда ее с радостью доставлял Иван. Аполлон в такие моменты самолюбиво заносил руки за спину и голосом диктора радио повторял:

- Не пристало юной леди по печкам прыгать. Юных леди должны отличать скромность и вкус. И никакой бульварщины!

- Дурак ты, Поли, - на французский манер дразнился Ваня. Выдержав паузу, старший брат снисходительно поворачивал голову в сторону обидчика и прежним тоном чеканил:

- Вызов брошен. Вызов принят. Выбор оружия?

- Кулаки, - кричал Ваня и бросался на брата, словно хотел прибить к земле невидимым молотком. Встав в боксерскую стойку на английский манер, точным ударом под левый глаз Аполлон отправлял младшего брата в нокаун. Тот, упав, поднимался, смотрел старшему брату прямо в глаза и, отвернувшись, тихо уходил из комнаты. К его чести, Ваня ни разу не пожаловался родителям, постоянно ссылаясь на то, что выпал из самодельного шалаша на верхушке дуба, что напротив дома, или напоролся на что-то острое, например на вилы, воткнутые в стог сена. В левом углу комнаты стоял письменный стол из схожего сорта дерева, что и на веранде. На нем обычно лежали разные бумаги и школьные учебники. Здесь же недогоревшая свеча нашла последний приют. Рядом со столом произвольно расположилась пара стульев с мягкими спинками. По остальным трем углам стояли разных размеров небольшие кровати. Несложно было определить, где спала Маша, а где медведи. На одной из стен, между окнами висели черно-белые фотокарточки предков, по которым смело можно было посеять и взрастить родословное дерево. Завершал описание комнаты и всего дома старинный комод, втиснувшийся между двумя кроватями братьев. Глядя на него, можно было предположить, что именно он был старейшим членом как мебели в доме, так и всей семьи.

...

Просыпались в директорском доме рано. Первым по будням и последним по выходным вставал с постели тринадцатилетний Аполлон. Идеализируя все без разбора, как и бывает в переходном возрасте, он тренировал свой организм, пробуждаясь в заранее определенное время без будильника, и очень злился, просыпаясь несколькими минутами позже. Соперничая с "гарнизонным" петухом, юноша неизменно выигрывал у птицы, когда будил последнюю по утрам. Обычно он врвался во двор и громко кукарекал, на что петух вскакивал на привычной охапке сена и мотался по ней как сумасшедший, приходя в себя. Под звонкий хохот Аполлон возвращался в дом, "принимал туалет" - как выражался он сам, затем шел будить родителей и сестру. Младшему же брату он предоставлял возможность выспаться и получить очередной строгий выговор от отца за опоздание в школу.

Так и проходили безмятежные дни. Отец семейства, как и сыновья, проводил большую часть дня в школе и возвращался только к вечеру. Аполлон и Иван приходили раньше. Первый обычно зачитывался романами, пробовал себя в прозе и стихах - "выводил труды" одним словом и помышлял о бесконечном. Ваня же помогал матери по дому, приглядывал за младшей сестрой, возился со скотом во дворе и только после шустрил с соседскими ребятами по всей деревне. Она была сравнительно небольшой, но очень сплоченной и дружной. Соседи всегда приветливо улыбались, при надобности оказывали помощь друг другу, ходили в гости. Кроме всего прочего люди здесь были большими тружениками. Лето ли, зима ли, их рукава были постоянно засучены, а сердца открыты и полны чистой любви...

В один из таких безмятежных дней в деревне появились незнакомые люди, называющие себя партизанами. Их одежда была в грязи. Они передвигались быстро и осмотрительно, а в глазах застыла тревога. Им нужна была еда, и когда они ее получили, то поспешили укрыться в ближайшей роще, твердя напоследок о каких-то танках, немцах и отрядах СС. Нужно сказать, что впечатление они произвели сильное. С лиц местных жителей пропали улыбки. Они стали более осмотрительными и не отпускали детей гулять вдали от дома. Прежней атмосферы как не бывало, и порой вместо смеха и звонких голосов, завывал лишь ветер за окном, беспокойно качая из стороны в сторону голые ветки деревьев.

Несколько дней спустя Аполлон и Ваня возвращались из школы. Федор Платонович же, как пристало преданному капитану морского судна, оставался в школе до вечера, изучая школьные дневники, копошась в новейшей истории и ухаживая за лимонными деревьями на подоконнике своего кабинета.

Мальчики шли по главной и единственной дороге в деревне. Стояли весенние дни: солнце игриво свисало с безоблачного неба, снег таял и кое-где вместе с лужами появлялись голые островки холодной земли. Аполлон аккуратно ступал, обходя лужи, и был не в силах запачкать чистые ботинки. В отличие от него, Ваня твердо шагал по грязи походкой отставного гусара. Брызги летели во все стороны, Аполлон пытался нарастить свой извилистый маршрут, чтобы хоть как-то оторваться от грязнули-брата и самому не заляпаться в грязи.

- Из тебя выйдет отличный солдат регулярной армии, - посмеивался над младшим братом Аполлон.

- А из тебя Байрон с пушкинскими завитушками! - парировал Иван и как нарочно наступил с нажимом в ближайшую лужу. Аполлон отпрыгнул в сторону. - Пускай и солдат. Зато солдаты грязи не боятся!

- Осталось только думать не бояться! - воскликнул старший брат, вернувшись в прежнюю колею.

- А зачем солдату думать?

- Любому человеку думать нужно. Без мысли вся жизнь - грязь.

- Вот это да! - воскликнул Иван.

Аполлон обернулся:

- Что да?

Но вместо ответа Ваня остановился прямо посреди очередной лужи и вытянул указательный палец в сторону реки, видневшейся вдали. Словно трещина в земле, тонкой змейкой полилась

талая вода из лужи, в которой стоял мальчик. Струйка быстро бежала, огибая овраги и голые кусты, достигая пределов реки. Речной поток понес ее по течению, пока она не растворилась под дребезжащим мостом, по которому катил один немецкий танк за другим. Их было десять, двадцать... двадцать один.. Прервав счет на двадцать втором, братья услышали взрывы со стороны рощи и со всех ног кинулись к дому, забыв о всяких лужах и придорожной грязи. В ушах стоял гул от взрывов, в головах - полная неразбериха от происходящего.

Когда мальчики вбежали в дом, послышалась автоматная стрельба и нечеловеческие вопли людей. Со стороны рощи выбежали партизаны. Они ошалело неслись прямо на немцев, вертя над головой самодельные гранаты и кидая их в немецкое железо. На верхушке танков показывались люди в касках: они хватались за установленные на крышах пулеметы и очередями стреляли в сторону партизан. Те падали, вставали и вновь падали все в крови. Некоторые так и не успели использовать гранаты по назначению. Граната падала рядом с человеком или в нескольких шагах от него и взрывалась. Так, бедолага либо умирал сразу, либо падал раненый, крича во все горло от боли, вспоминая мать, любимую девушку, Бога и черта. Но самая сильная боль наступала гораздо позже, в палатке, где бойцу объявляли о его инвалидности без всякой скорби и сожаления, переключая внимание на следующего пациента, чей раздирающий душу вопль не умолкал уже более суток...

Влетев под крышу родного дома, братья не обнаружили матери и сестры. На кухне варился суп, приправа рассыпалась по столу. Шум нарастающей войны казался все ближе, словно волна, которую еще не видишь, но которая вдруг появляется и сносит все живое на своем пути. Мальчики обежали весь дом в поисках родных, и только проходя мимо печки, услышали лихорадочный стук зубов. Обогнув печь, братья увидели трясущуюся мать с ножом в руках. За ней, прижавшись к материнской юбке, плакала Лиля.

- Мама? - удивился Аполлон.

- Что случилось? - с тревогой в голосе вскричал Ваня. Взгляд Александры был полон печали и страха, ее губы тряслись.

Но не успела она ответить, как дверь с треском отворилась и чьи-то увесистые шаги послышались на веранде. Криков партизан уже не было слышно. Неподалеку шумели моторы танков, и отрезками сыпалась незнакомая речь. Тяжелые шаги приближались. Дверь в комнату отворилась, и первыми в комнату вошли безумные, но полные отваги глаза. За ними показался и весь Федор Платонович. Растрепанные волосы небрежно облепили лоб, густые брови под волосами искривились в радикальных намерениях. Семья впервые видела главу семьи таким злым и озабоченным. В руках любящий отец и супруг сжимал старое двуствольное ружье.

- Возьмите все самое необходимое и бегите через задний двор в лес, - скомандовал он, глядя на детей и затем в окна на улицу.

- Федя... - начала тревожно Александра, пытаясь согреться пылающим жаром в глазах мужа.

- Нет времени на разговоры, - твердо ответил он, смягчив взглядом ответ.

Привыкнув беспрекословно подчиняться отцу во всем, Аполлон и Ваня исчезли за его спиной, собирая в мешок необходимые продукты. Тем временем танки въехали в деревню. Послышались крики и вопли из соседних домов, за ними выстрел из пистолета и вновь автоматная очередь. Федор Платонович посмотрел в окно.

- В доме Кондратьевых стреляют.

- Боже! - вскрикнула Александра, прильнув к мужу. Маленькую Лилю она подняла на руки, отбросив нож в сторону.

Немцы заходили в каждый дом и забирали с собой людей, оставляя в покое лишь немногих. А тех, кто осмеливался оказать сопротивление или не подчинился, без колебания расстреливали.

- Сашенька, - как можно ласковее, переборов дрожь в голосе, обратился к супруге Федор Платонович. Он осознавал всю горечь происходящего. История вышивалась острыми спицами прямо на его глазах. Но что он мог поделать, кроме как спасти свою семью. Прикрыть ее спиной и будь что будет. - Послушай меня внимательно! Прижми Лилю как можно ближе к себе и ни за что

не отпускаяй! - две пары одинаковых глаз, как хрустально чистые потоки горных ручейков, неотрывно смотрели на мужа и отца, и внимали его слову. - Бегите в лес не оглядываясь, - продолжал Федор Платонович. - В лесу вы найдете дом лесника. Спрячьтесь там и ждите меня. Все ясно?

Послышался скрип калитки во дворе и следом немецкие голоса.

- Федя! - испуганно вскрикнула Александра.

- Мама, - в комнате показались Аполлон и Ваня. За плечами у них были мешки с провизией. Беда как нельзя лучше сплотила вздорных братьев.

В дверь дома со стороны двора постучали.

- ;ffnen!! (открывайте (нем.))

Насупившись, отец семейства перезарядил ружье:

- Бегите через задний двор!

- Мы останемся с тобой! - вскричали сыновья.

- Быстро! - прогремело в ответ.

Сжав губы и еле сдерживая слезы, Аполлон схватил мать за руку и быстро повел к заднему выходу. Александра вся тряслась, Лиля помахала папе маленькой ручкой. Последним скрылся на заднем дворе Иван. Перед выходом он обернулся и посмотрел на отца. Тот крепко сжимал двустволку, глаза налились кровью, и вся его осанка была исполнена мужеством и отвагой. Последний раз в жизни взглянув папе в глаза, Ваня зажмурился, и из его глаз полились горькие слезы. Он отвернулся и последовал за остальной семьей.

Тем временем в дверь постучали более настойчиво. Но никто не открывал. Тогда сильнейшим ударом ноги рослый немец выбил дверь с петель и зашел твердым шагом, как к себе домой. Половину его лица скрывала железная каска, губы застыли в ухмылке, на могучей груди болтался черный автомат. Но не успел он осмотреться, как сильнейший удар прикладом по лбу сбил его с ног. Тут же Федор Платонович накинулся на немца и стал со всей силы бить его обратной стороной ружья по лицу и телу.

- Получай, паскуда! Так тебе!

В дверях появился другой немец, не менее рослый, чем первый. Одним прыжком достигнув места драки, он взял директора школы за шиворот и рывком отбросил в сторону, словно маленького котенка. Но недолго думая, Федор Платонович схватил вилку, оказавшуюся рядом на полу, и воткнул ее второму немцу в ногу. Первый лежал без сознания в луже крови. Второй заорал от боли и набросился на обидчика. Немец разительно превосходил соперника по силе. Взявшись грязными руками за горло, он стал душить хозяина дома, приговаривая что-то на немецком. Слюни падали из его рта на скрюченное от бессмысленных попыток выбраться из немецких лап лицо Федора Платоновича. Тот пытался душить немца в ответ, но воздух в легких иссякал, сил было все меньше и бредовые мысли стали посещать голову. Случайно, неподалеку от себя, директор школы увидел глиняный кувшин, видимо, упавший на пол со шкафа в пылу схватки. Вода из него вылилась, и цветочки, покоившиеся в нем ранее, беспорядочно валялись рядом. Собрав все то последнее по осколкам, что может быть в человеческой воле, Федор Платонович ухватился за кувшин и со всего размаху грохнул им по немецкой каске.

Кувшин разбился вдребезги, немецкий хват ослаб, лицо перекошилось от боли, изо рта немца потекла кровь. Воспользовавшись моментом, директор школы оттолкнул немца в сторону, встал на ноги и сильнейшим ударом ноги по лицу ударил его. Тот сразу же обмяк, и из его рта послышался хрип.

Держась за горло и переводя дыхание, Федор Платонович посмотрел на входную дверь, выбитую немцами. Рядом с ней он заметил пару лакированных сапог. Он поднял усталый взор. Перед ним стоял немецкий офицер в фуражке. Вылизанный с головы до сапог, он походил на манекен в витрине магазина военной одежды. Его лицо казалось бесстрашным. Плавным неторопливым движением руки он отстегнул кобуру, достал пистолет, направил его на Федора Платоновича и шмыгнув носом выстрелил. Директор школы даже не успел среагировать...

...

Ноги вязли по колено в грязи. Миновав грязное поле, которому, казалось, не было ни конца, ни края, Александра с детьми была уже на опушке леса, когда послышался очередной выстрел со стороны деревни. Она обернулась, ища взором родной дом, но слезы затуманили взор. Деревня слилась в неведомый шедевр кисти «бальзаковского» художника. Александра не могла различить, откуда именно донесся выстрел, но сердце подсказывало - случилось непоправимое. Она было бросилась бежать обратно в деревню, но сыновья вовремя удержали ее. И только маленькая Лиля, ничего не понимая, копировала мимику материнского лица и плакала вместе с ней.

- Мама, пойдём, - взывал к здравому смыслу матери Аполлон. - Нам нужно добраться до дома лесника до заката.

- Папа обязательно придет к нам, - поддержал брата Иван. - Вот увидишь!

Исчезнув в гуще деревьев, семья пробиралась все дальше и дальше. Шум войны остался где-то вдалеке. В лесу пели птички, сквозь кроны деревьев просачивались лучики солнца, стучал дрозд. Тут и там бугорки еще не растаявшего снега притихли в ожидании весны. Как будто никакой войны и не начиналось вовсе. Не было этих страшных танков, оружейной стрельбы, предсмертных воплей и появившегося ниоткуда хаоса. На земле всегда кто-то воюет, тем временем как в другом месте тишина и покой.

- Мама, а папа скоро к нам придет? - спросил Александру Ваня, то и дело оглядываясь назад в лесную гущу.

- Скоро сынок, он и сейчас с нами, - ответила она, покачивая на руках уснувшую Лилю и глядя на небо.

- Как это? - нахмурился Аполлон, идущий впереди. Он сломал увесистую ветку, обломал на ней сучья и размахивал ею перед собой. В случае неожиданной встречи с немцами ветка послужит отличным орудием защиты.

- С человеком всегда рядом тот, кто его любит. Он живет в нашем сердце, и мы всегда можем почувствовать его боль или радость, можем поговорить с ним.

- Но как?

- Шепотом, сынок.

- И тот, кого мы любим, услышит нас?

- Он обязательно это почувствует.

- Папа, - прошептал Иван. - Пожалуйста, будь рядом с нами.

- А вон и дом лесника! - воскликнул старший из братьев. И впрямь, меж деревьев показался старый одноэтажный дом, поросший мхом и выросший здесь среди грибов и вместе с ними. Крыша дома покосилась на одну сторону, и он смотрел на семью туманным взором двух грязных окон, за которыми ничего не было видно.

Опередив брата, первым на прогнившем крыльце оказался Ваня. С напором отворив входную дверь, он отшатнулся назад - дом был битком набит людьми из соседних деревень. Они тряслись, как голые ветки березы среди зимы. Глаза их были наполнены страхом, слышался стук зубов. Из дальнего угла единственной комнаты донесся приглушенный стон тяжело раненного партизана. Среди толпы, вон и пота, показалась чья-то голова:

- Ну. Заходи быстрее.

...

Наступила ночь, вышла полная луна, волк завывал где-то на окраине леса. В доме лесника было темно, тесно и холодно. Александра с детьми расположилась в ближнем от входа углу. Маленькая Лиля проснулась и, находясь по-прежнему в материнских руках, удивленно обводила ясным взглядом окружающих. Аполлон дремал подле матери, скрестив руки на груди, а Ваня тем временем взял его ветку и, прислонившись к стене, охранял семейство.

Люди все прибывали. Грязные и испуганные, они только и твердили, что о немецких танках и о самих немцах. Некоторые горько плакали - их семьи были расстреляны. Другие сходили с ума

прямо на глазах, бормоча что-то под нос и тут же судорожно смеясь. Стон раненого партизана в дальнем углу постепенно стих. Потеряв много крови от осколочного ранения, он умер. Были и другие раненые в доме - сам лесник протискивался к ним сквозь людскую толщу и оказывал первую помощь: кому-то перевязывал лоскутом старой рубахи руку или ногу, кого-то поддерживал словами, а кого-то уже никакая помощь не могла спасти...

- В нашем доме стреляли. Я успела выпрыгнуть в окно и наутек. Пробегаю, значит, мимо очередного дома и вижу на его пороге немецкого офицера с пистолетом в руках. А внутри него стоит весь в крови наш школьный директор...

- Кого его? - перебила рассказчицу - женщину средних лет со слипшимися волосами и в одной калоше - другая женщина, полная и в годах. Женщины теснились у самой двери.

- Кого, кого? Внутри дома. Кого же еще?

- А потом?

- Потом раздался выстрел. Директор школы даже не успел среагировать.

От таких слов внутри Александры все перевернулось. Комок подступил к горлу, ей стало душно, и закружилась голова. Оставив маленькую Лилю под присмотром старших детей, она протиснулась к двери.

- Директ.. - Александре стало дурно. Деревянный пол уплывал из-под ног. Собрав последние силы, она окликнула женщин. - Вы говорили директор школы.

Женщина со слипшимися волосами обернулась.

- Александра, милая, ты жива, - вскричала она. На ее лице выплыла мука. - Как я счастлива, что ты жива. Я было уже подумала, что ты...

- Здравствуй, Катя, - возбужденно ответила Александра. - Что с моим Федей? Где он?

- Прими мои соболезнования.

Красивые глаза Александры закрылись. Она схватилась руками за голову, упала на колени и еле слышно зарыдала. На руках молодой девушки в платке, стоявшей неподалеку, заплакал ребенок. Женщина в одной калоше нагнулась к Александре и обняла ее за плечи.

- Милая моя, когда я увидела это, то спряталась за ближайшим деревом. Через пару минут подъехал черный ворон. Из его кузова выпрыгнули несколько немцев. Они вбежали в дом, схватили твоего Федю, вытащили на улицу, закинули в грузовик и покатали прочь.

- Значит, - сквозь безудержный поток слез прошептала Александра. - Он все еще жив?

- Думаю, да... пара синяков да ссадин на теле. Немецкий офицер выстрелил в пол...

Женщины крепко обнялись. Проснулся Аполлон. Нашарив глазами мать, он протиснулся к ней, помог встать на ноги, и они вернулись на прежний клочок выделенного им места. Ваня сидел на полу, и рядом, уткнувшись носиком в его плечо, спала Лилия.

На улице завывал ветер, голые деревья грозно шумели за окном. Люди засыпали стоя, то и дело просыпаясь в тревоге от очередного шума.

...

Утро наступило также внезапно, как и началась война, хотя ночь показалась бесконечно долгой.

Лучики весеннего солнца едва протискивались сквозь озябшие за ночь ветви деревьев. Под утро стало еще холоднее, и изо рта людей струился уставший пар. Солнце же медленно поднималось из-за горизонта, улыбаясь белому свету, словно и не подозревая о варварских деяниях войны.

Люди прибывали со всех сторон. В доме лесника не было места, и одни уходили прочь, покорно склонив головы, другие ютились прямо на ступеньках и вокруг дома. Кругом были только женщины и дети, не считая самого лесника. И нужно отдать должное, в суровых жизненных условиях люди не теряли человечности - женщины, что находились внутри, выходили на улицу, уступая нагретые места маленьким детям и их матерям, тяжело раненым больным.

Аполлону так не удалось толком поспать. Едва разлепив глаза, он расспросил всех вновь прибывших и удалось узнать, что отца, как и других глав семейств, определили в тюрьму в городе Черехов - немцы выдвинули им какие-то обвинения. Прикусив губу и заложив руки за спину, как обычно делал Федор Платонович, когда размышлял, Аполлон ходил из угла в угол, то и дело

поглядывая на спящую маму, сестру на ее руках и брата, прижимавшего к груди сломанную ветвь. Теперь он, Аполлон глава семьи и его обязанность защитить семью. Но как быть? Ведь отцу тоже нужна помощь! На миг перед подростком предстала картина: тусклый свет освещает сырую тюремную камеру с крысами в углу, посреди которой грязный и с запекшейся кровью на лице сидит и трясется голодный от холода его отец.

- Я должен ему помочь, - Аполлон ударил себя в грудь кулаком и оценивающе посмотрел на брата. - Ничего, Иван справится!

Произнеся эти слова, он, стараясь не задеть спящих людей, направился к родным.

- Просыпайся, скорее, - дернул Аполлон за плечо брата.

Открыв один глаз, Ваня резко вскочил на ноги:

- А?! Что? Кто идет?

- Тсс! Не кричи, - как можно убедительней сказал Аполлон. - Маму разбудишь. Пойдем.

- Куда? – оглядел пределы дома Иван.

- Да не кричи ты! На улицу.

На улице братьев передернуло от свежести морозного утра.

- Ну и погодка, - открыл оба глаза Иван. - Хороший хозяин в такую погоду...

- Книги читает, - заключил Аполлон.

- Сколько народу! - присвистнул младший брат, обводя взглядом скопление голодных людей вокруг лесного дома.

- Слушай меня внимательно, - обратил на себя внимание старший брат.

- А чего это ты раскомандовался? Командир.

- Сейчас не до шуток, Ваня! - Аполлон крепко схватил брата за плечи и посмотрел ему прямо в глаза. В глазах старшего мальчика застыла твердая решимость. Ваня впервые увидел подобные перемены в брате. Легкая ухмылка сошла с его лица, он перестал трястись от холода и весь обратился в каменный столб.

- Я иду к отцу, - выдержав паузу, продолжил Аполлон. - Он в Черекове, и если мне повезет, я найду его. - Он пнул ногой маленький камушек, лежавший на земле. - И мы вместе вернемся сюда.

- А как же мама, Лиля? - указал пальцем на дом Иван.

- Скажи им, что я скоро вернусь, - вновь образовалась пауза. Послышался свист скворца на опушке. - Ты должен оберегать их. Их жизни теперь в твоих руках.

Ваня крепко сжал в руках ветку, с которой не расставался. Аполлон еще раз, более пристально взглянул в зеркало души брата.

- Ну... я пошел.

Медленно переведя взгляд с брата на дом лесника, Аполлон развернулся и пошел в неизвестном направлении. Шмыгнув носом, Иван смотрел ему вслед, пока тот не скрылся в тени деревьев. Впервые он по-настоящему гордился старшим братом и уважал его за неподдельную храбрость и смелость. И почему он раньше не слушался старшего брата, а только и делал, что лез нарочон? На руках одной из женщин вскрикнул ребенок. Будто пробудившись ото сна, Ваня обратился к дому и поплелся внутрь. Женщина тем временем пыталась успокоить ребенка, раскачивая его из стороны в сторону. Вывалив наружу грудь, она стала его кормить. Малыш сразу же умолк.

...

Аполлон уверенным шагом пробирался сквозь лесную гущу. Грязные ботинки утопали в темной жиже, похожей на горячий шоколад, тот самый, каким баловали по праздникам детей их родители. Сучья деревьев норовили попасть в лицо, но мальчик то и дело уворачивался от них. Вскоре он вышел из леса и зашагал по проторенной колее. В ней отпечатались следы случайной повозки. Аполлон оглянулся по сторонам - ни души. Глухомань, широкое поле, покинутое Богом место, и лишь на горизонте сонно выглядывало еще не проснувшееся солнце. Проходя мимо, Аполлон протянул руку в сторону и задержал на уровне пояса - ему вспомнилось прошлое лето: именно это поле было зелено и высоко, доносился стрекот кузнечиков, а позади веселый детский

смех. Как любил он проводить кончиками пальцев по верхушкам колосьев, глядя их и произнося добрые слова.

Теперь же поле напоминало лишь мертвую пустыню - предательницу, на поверхности которой не укрыться от врага. Аполлон ускорил шаг. Он не был трусом, но быть замеченным немцами не хотел. Его план состоял в том, чтобы, заглянув в родную деревню, подкрепиться, собрать еду и одежду для отца, затем отправиться на поиски его самого. Как же сильно он любил папу и как переживал за него! При каждом воспоминании о нем сердце согревалось теплотой, но уже в следующую секунду по сердцу хлестали невидимым кнутом, острая боль от которого не проходила долгие и мучительные часы.

Очередной раз погрузившись в собственные мысли, Аполлон не услышал, как позади донесся рев мотоцикла. Обернувшись, он увидел мотоцикл с коляской, на котором мчались на скорости двое немцев в касках и очках.

- Боже правый! - воскликнул Аполлон и бросился наутек.

Немецкий мотоцикл стремительно нагонял подростка. Нашарив на дне коляски автомат, немец схватил его и стал прицеливаться.

- Kann nicht langsamer, Dachs? Ich kann nicht richtig zielen! (Нельзя помедленнее, Дацс? Я не могу прицелиться (нем.))

- Fahr zur H;lle, Kaiser. Ich werde, wie ich kann! (Пошел ты к черту, Кэйсер. Я еду, как могу)- сквозь рев мотора выпалил водитель мотоцикла. - Diese Stra;en sind gleich dumm, wie Russisch! (Эти дороги такие же тупые, как и русские)

Немец в коляске громко рассмеялся, прихрюкнув:

- Doch langsam. Ich m;chte diese russische Fliege zu t;ten, bevor es versteckt in den W;ldern ist! (И все же помедленнее. Я хочу прихлопнуть эту русскую муху до того, как она скроется в лесу!)

- Wie sagt mein Bruder! (Как скажешь, брат!)

Мотоцикл замедлил ход, немец с автоматом прицелился, поднеся оружие к жирным щекам. На мушке показалась разбитая дорога, ведущая на холм, по которой, разбрасывая грязь во все стороны, со всех ног бежал Аполлон. Задержав дыхание и прикрыв левый глаз, стрелок дождался, когда мальчик взберется на вершину холма, затем выстрелил. Аполлон рухнул на землю, как подкошенный.

Немец, который был за рулем мотоцикла, притормозил:

- Ich? (Попал?)

- Pr;zisen Schuss. Wie sie sagen: Ohne Schwei; kein Belohnung! (Точный выстрел. Как говорится: Без пота нет награды!) - выстреливший вздернул к небу кривой нос.

- Hey, Kaiser zu ;berpr;fen? Pl;tzlich ist er noch am Leben? (Слышь , Кэйсер, может проверим? Вдруг он еще жив?)

- Etwas? Wissen Sie, ich nie verpassen! (Еще чего? Ты же знаешь, что я никогда не промахиваюсь!) - вспылил немец в коляске. Его сосед колебался.

- Gut. Sie wissen besser (Ладно. Тебе виднее), - небрежно бросил он и рванул ручку газа на себя. - Lassen Sie von hier! (Поехали отсюда!)

Немец в коляске утвердительно мотнул головой. Набрав достаточную скорость, мотоцикл исчез из вида, а следом за ним рассеялся и шум бухтящего мотора.

...

Аполлон лежал на холодной земле с закрытыми глазами и боялся их открыть. Интересно, он уже на том свете? Оказывается, умирать так быстро и совсем не больно! Но куда же он попал - в рай или в ад?

Каждое утро он примерно стоял на коленях со всей семьей и молился со сложенными у груди руками, верил в Иисуса, верил в то, что Тот умер за все наши грехи и воскрес для нашего же оправдания. Бывало, конечно, во время молитвы Аполлон открывал глаза, пытаясь уличить других членов семьи в том, что и у них открыты глаза. Но не попадать же из-за этого в ад? Мальчику вспомнилось, как однажды отец уличил его самого и после молитвы наказал ремнем - после этого

открывать глаза ему вовсе перехотелось.

И все же, где он? Умер, или еще жив? Шум мотоцикла давно утих, и в ушах завывал лишь холодный ветер. Аполлон нащупал под собой сырую землю, глубоко вдохнул воздух и открыл глаза. Оглянувшись по сторонам, он понял, что упал в какую-то яму. Да это же противотанковый ров! Мальчик вскочил на ноги и оглядел себя с ног до головы - никаких ран. Он упал в ров раньше, чем в него выстрелили. "Немцы, наверное, подумали, что убили меня, - пронеслась в голове мысль. – Ну, коли так, я родился под счастливой звездой!"

И в самом деле, выбравшись из укрытия, он не увидел мотоцикла, который уже успел скрыться. Отряхнувшись, Аполлон поспешил в родную деревню.

Только к вечеру он добрался до нее. Ноги гудели от усталости, в желудке урчало. Задними дворами он подкрался к родному дому. Деревня была занята немцами, в окна домов горел свет. Те, кто не успел спастись, прислуживали немцам. На той стороне деревни старик колот дрова под присмотром немецкого солдата, в другом доме женщины носились как угорелые, готовя какую-то стряпню. Неподалеку, на одном из задних дворов двое офицеров насиловали молодую девушку. Ее волосы были растрепаны, платье разорвано. Она пыталась кричать, но ее рот сжимали крепкие руки.

Аполлон прикусил нижнюю губу и крепко сжал кулаки. Как же он хотел помочь девушке, на миг став Давидом, раздробить камнями головы этим свиноподобным Голиафам! Но в то же время он понимал, что потерпит поражение еще до того, как нанесет врагу урон. Он не мог поставить на кон жизнь отца и остальной семьи. Уж слишком дорога цена.

Опустив голову, Аполлон стал пробираться дальше. В груди больно защемило, и кто-то заплакал внутри. "Вот был бы на твоём месте Ваня, - слышался голос из самых глубин. - Он бы не прошел мимо! Погиб, но спас бедную девушку!"

Вскоре Аполлон оказался у дома. На щеках засохли следы от недавних слез. В доме кто-то был.

Слышались незнакомые голоса. Мальчик подполз к дому с заднего входа - того самого, из которого он вместе с семьей день назад капитулировал. Вдруг дверь отворилась, и во двор вывалился немец. Он был в стельку пьян. Каска сдвинулась набок, рубаша выбилась из брюк.

Аполлон поспешил прижаться спиной к стене, скрывшись за углом дома. Раскачиваясь из стороны в сторону, немецкий солдат подошел к косяку. Сердце в груди Аполлона забило с новой силой - еще чуть-чуть и его обнаружат. Но солдат остановился, оперся рукой о стену, расстегнул ширинку на штанах и, громко рыгнув, стал мочиться.

"Нашли, значит, погреб с провизией," - глядя на зеленую струйку, переливающуюся на фоне луны, размышлял Аполлон.

Страхнув, солдат развернулся и направился обратно в дом, в котором не замолкали смешки и возгласы на иностранном языке.

Лишь глубокой ночью наступила тишина. Свет в домах погас, и на всю деревню теперь раздавался храп. Темнота образовалась кромешная - хоть глаз выколи. Аполлон стучал зубами от холода, и его рубила под корень усталость. Несколько раз он пытался уснуть, но страх и холод не позволили ему этого сделать.

"Нужно как-то попасть в дом, - размышлял он. - Добраться до погреба и ноги в руки." Но на деле было все не так просто. Куча пьяных немцев валялась по всему дому в глубоком сне. Удастся ли ему остаться незамеченным или лучше не соваться в логово змей? Но выбора особо не было, и Аполлон решил рискнуть.

Собравшись с духом, он прокрался к входной двери и приоткрыл ее. Дверь в ответ предательски скрипнула. Мальчик замер на месте, но никакой реакции не последовало - пьяный немец спал крепким сном голубоглазого праведника, словно и не было никаких безжалостных убийств. Будто одно лишь добро украшало его светлый лик.

Войдя в дом, Аполлон чуть было не наткнулся на толстого солдата, распластавшегося на пороге. И далее почти в шахматном порядке были разбросаны немцы по полу. Интересно, как же зовут того озорника, которому поставили здесь мат и который забыл убрать за собой фигуры?

Посмотрев на обильно забросанную фигурами шахматную доску, мальчик ловко пробрался в большую комнату с печкой. Как и можно было ожидать, погреб был настежь открыт и наполовину опустошен. Недолго думая, Аполлон схватил первую попавшуюся на глаза пищу и поспешил ретироваться. Перед выходом из комнаты он оглянулся и посмотрел на семейное фото в деревянной рамке, висевшее на стене. На нем были покойные дедушка и бабушка - родители Федора Платоновича. Они взирали на это пьяное безобразие сверху вниз. Аполлон опустил глаза к полу, и ему почему-то стало очень стыдно.

Осторожно покинув дом, он не стал прикрывать входную дверь. Во внутреннем дворе дома, под деревянной крышей мирно спали куры (их численность показалась Аполлону меньшей, нежели пару дней назад), над ними возвышался петух. Его мохнатое оперение то и дело подергивалось. "Никак не дождется рассвета," - ухмыльнулся мальчик. Тут же спали, уткнувшись друг в друга, троица баранов. У Аполлона мелькнула было мысль забрать их с собой, но он тут же от нее отказался.

Со двора он вышел в садик. Полная луна вновь показалась из-за туч, осветив глазированным светом голые деревья сливы, яблони и вишни. "Как же это все-таки странно, - Аполлон устало уставился на ночное светило, посмеявшее побеспокоить такую роскошную ночь. - Солнце освещает землю, земля делится своим светом с луной. И только луна возвращает земле, пускай блеклый, но все же свет."

Нащупав деревянную скамейку тут же в саду, Аполлон присел на нее и вытащил из мешка, который схватил в погребе, первую попавшуюся банку. Открыл ее. Малосольные огурцы показали голодному желудку вкуснейшим из яств. Мальчик быстро опустошил ее, завязал мешок и решил полежать пару минут на скамейке. Прикрыв глаза, он представил, как вызволяет отца из немецких когтей и победоносно возвращается с ним к дому лесника. Затем сразу же заканчивается война, и все счастливы...

Проснулся он поздним утром. Ни крик петуха, ни утренний морозец не в силах были разбудить его. По дому топали чьи-то сапоги, отчетливо слышалась немецкая речь. "И как только меня не заметили?" - спросил Аполлон самого себя, медленно сполз со скамейки и попятился к полю - подальше от дома. Только он добрался до туалета, в саду появились двое немцев. Помявшись на месте, они раскурили сигареты. Один из них уперся о яблоню. Испачкав рукав, он смачно стукнул дерево носком сапога. Аполлон скрылся за туалетом и судорожно сглотнул слюну. Невероятно воняло отходами, но он стойко ждал, пока немцы скроются из вида. Как нарочно докурив первую, они затаили по второй сигарете. Один из солдат раскашлялся, другой, обильно жестикулируя, что-то рассказывал. Докурив, они синхронно бросили окурки под ноги и пошли обратно в дом. Посмотрев по сторонам и закинув мешок за спину, Аполлон бросился бежать.

Миновав картофельное поле, он не сбавлял темп и на дороге. Наконец, тяжело дыша, мальчик юркнул в лес. И почему только он, родившись в этих краях и прожив здесь с самого рождения, обязан спасаться бегством от какой-то кучки засранцев, в чьих руках оружие, а значит и власть? И кто только командует такими? Неужели этот безбожный народ не боится гнева Господа? Неужели их опьянила жажда крови настолько, что они забыли о смертных грехах и уже ничего не боятся? А как же месть? В этом мире ничего не случается безнаказанно.

...

Вместо нескольких дней дорога в Черехов заняла целый год. Аполлон шел лесами и старался избегать населенных пунктов. По дороге ему встречались раненные и убитые люди - в основном партизаны, укрывавшиеся в лесу. И сколько на самом деле их полегло в неравном бою, знали лишь высокие сосны и мохнатые ели. Люди не бежали в другие края, да и идти им было некуда. В один из погожих дней Аполлон проходил краем леса, вдруг увидел девочку, плакавшую у ручья. Платице на ней испачкалось, на тонкие плечи ниспадала густая коса. Мальчик подошел к ней. Потоптавшись на месте и чихнув в кулак, он спросил:

- Почему ты плачешь?

На миг подняв заплаканное личико с румяными щеками, девочка удивленно посмотрела на

Аполлона. Он наблюдал, как выражение удивления на ее лице снова сменяется ужасным горем. Задержав на нем взгляд, девочка вновь уткнулась в маленькие ладошки и заплакала с новой силой. На вид ей было лет двенадцать.

- У тебя что-то случилось? - попытался изменить тембр голоса, а вместе с ним и сам вопрос Аполлон. Девочка не реагировала. Мальчик сделал шаг к ней и дотронулся ее плеча. - Могу я чем-нибудь помочь?

Но вместо ответа девочка отдернула плечом его руку, встала и толкнула незнакомца в грудь.

- Убирайся отсюда, - вскричала она властным голосом и посмотрела на Аполлона сердито. Только сейчас он смог рассмотреть всю красоту ее лица - чуть шире обычного расставленные глаза сияли и метали искры. Густые брови были изогнуты в гневе, а пухлые губки плотно сжаты и лишь добавляли прекрасному лику остроты. Недолго думая, Аполлон потерялся в тени этих длинных ресниц.

- Ты кто такой, чтобы предлагать мне помощь? - девочка продолжала бить случайного встречного в грудь. С каждым словом она повышала голос. - Или ты святой и можешь воскресить моих родителей вместе с моим годовалым братиком?

- Я... не... - попятился назад Аполлон.

- Ну же! Давай! Я целое утро молю Бога о воскресении моих родных! - прядь ее темных волос упала на белоснежный лобик. - И вот являешься ты! Кто тебя послал, Бог? Если так, то помоги моим родным. Если нет, проваливай к черту! - Вконец выбившись из сил, девочка прильнула к груди Аполлона и горько заплакала. - Я больше не верю Ему! Он отвернулся от нас и в этот момент они расстреляли мою семью.

- Кто они?

- Фашисты.

Прошло какое-то время. День выдался по-настоящему весенним. Пели птички, солнышко игриво отражалось на поверхности ручейка. Лариса - так звали девочку - умывала лицо в ручье и старалась отряхнуть грязное платье. Аполлон присел неподалеку от нее, вертя в руках веточку вербы. Он любовался Ларисой и не мог отвести от нее глаз - каждое ее движение и жест воспаляли огонь в его душе. И разве возможно посреди мертвой пустыни набрести на нежный оазис восторга? Впервые за все дни войны Аполлон почувствовал спокойствие и какое-то новое, не поддающееся описанию чувство, разящее наповал, но ненасытное. Вбирать его в себя хотелось без остатка.

- Видел бы ты сейчас свое лицо! - оглянулась Лариса, и уголки ее губ расплылись в улыбке.

- А что с ним? - покраснел Аполлон смутившись.

- Глупое выражение. Как будто увидел то, чего никогда не видел.

- Это как?

- Не знаю. У тебя нужно спросить как это. - Девочка махнула рукой. - Иди сюда.

Аполлон встал и подошел к ней. Девочка смотрела на него ясным взглядом.

- Посмотри на себя, - показала она маленьким пальчиком на поверхность ручья.

Аполлон наклонился к журчащей воде и ощутил свежесть ее дыхания. Ручей отразил его лицо, грязное и нахмуренное. На носу были веснушки. Но уже в следующий миг неподалеку от собственного отражения он увидел еще одно, красивое и улыбающееся. И в то же мгновение веточка вербы выпала из его рук, упала в воду, и медленное течение понесло ее. Лариса подхватила веточку и прижала к груди.

- А это я оставляю на память. Как-никак, не каждый день встретишь Божьего посланника.

Девочка оказалась иммигранткой (вот откуда этот странный акцент). Вместе с родителями - мамой из здешних мест, отцом, не то французом, не то голландцем, и маленьким братиком, они проживали в одной из стран старушки Европы. Ее отец был директором завода и наследником титулованных родителей. Как водится, бабушка и дедушка Ларисы по отцу были против подобного брака, но отец, от единого взора которого в свое время растаяла мама девочки, был непреклонен. Собрал чемоданы, а вместе с ними и часть причитающегося ему движимого

имущества, он отказался от всяких титулов, плюнул и преспокойно, как подобает истинному аристократу в таких случаях, вместе с красавицей женой (чья красота запечатлелась в лице дочери, кроме широкой постановки отцовских глаз) укатил в первую, улыбнувшуюся ему страну. - Самодур! - кричали ему вслед именитые мсье. А он лишь в ответ покуривал сигару, покручивал усы и строил фабрику по изготовлению каких-то мелочей. "Наш товар доступен каждому!" - именно под таким девизом он сколотил состояньице, жена родила ему дочь, а следом и сына. Но голландская, а может французская, его душа не усидела на одном месте, и он вместе с семьей пустился в кругосветное путешествие. Так, семья побывала во многих странах и пересекла экватор первым классом международного поезда. Но на середине путешествия бывший монсеньер, а ныне пузатый директор вывернул свои карманы наизнанку и не нашел там любимых сигар. А других его аристократическое высочество курить не умело. В общем, пришлось возвращаться в Европу прежним путем...

Только сейчас, слушая удивительный рассказ Ларисы, Аполлон заметил под березой, неподалеку от ручья, небольшой чемоданчик. Тот был облеплен разноцветными наклейками с надписями разных стран - по две наклейки на одну страну.

На обратном пути по настоянию Ларисиной мамы было решено заехать в Белоруссию и остановиться в городе Черехов. В десятке километров от него жила бабушка девочки - одинокая мать ее мамы.

- Поезд остановился на станции Черехов, - продолжала рассказывать Лариса, касаясь кончиками пальцев зеркальной поверхности ручейка. - Папа снисходительно смотрел в окно. Но вдруг его лицо изменилось, и он, выронив сигару, отшатнулся от окна. Я подбежала к нему и увидела на вокзале кучу людей в касках и с собаками. На груди у них болтались автоматы. Рядом лаяли собаки.

Лариса прервала рассказ и закрыла лицо руками. Аполлон выдержал паузу.

- Что было дальше?

- Дальше, - девочка посмотрела прямо в глаза Аполлону. В ее глазах застыл ужас и страх. По телу мальчика побежали мурашки. - Дальше они заходили в каждый вагон и выгоняли всех пассажиров на улицу, строили вместе и куда-то уводили.

- Но как ты спаслась?

- Когда люди в касках забежали в наш вагон, отец закрыл дверь в купе на замок. Затем он достал из чемодана револьвер и перезарядил. - Лариса вновь смолкла и задержала взгляд на своей обуви - дорогих красных ботиночках. Аполлон не смел нарушить образовавшуюся тишину.

Помолчав, она продолжила. - Когда в дверь постучали, отец выбросил мой чемоданчик в окно - та сторона перрона оказалась пуста, а следом и меня. Помню, я сильно ударилась коленкой и совсем не понимала, что происходит. Я слышала, как дверь выломали, папа закрыл собой маму и брата, потом несколько раз выстрелил. Раздались крики на немецком, и затем прогремели автоматы. Я посмотрела на окно нашего купе - оно было в крови. Я испугалась и спряталась под поездом.

- Не может быть, - прошептал Аполлон. Девочка тяжело дышала.

- Они не уходили до самого вечера... и только ночью мне удалось сбежать оттуда. Так я оказалась здесь.

Пока Лариса рассказывала, Аполлон положил перед ней мешок со съестным и открыл его.

- Ты, наверное, голодна.

- Если честно, очень, - через тяжесть воспоминаний попыталась улыбнуться девочка.

- В таком случае, как говорят у вас во Франции, bon App;tit! (Приятного аппетита! (фр.))

- Mercі. (Спасибо)

Пока Лариса кушала, а делала она это с невероятной изысканностью, Аполлон рассказал ей свою историю жизни. Девочке он показался искренним и честным, и хотя она привыкла к более высокому обществу, Аполлона она оценила, как очень воспитанного молодого человека. Он не был красавцем, однако что-то в нем цепляло, теплило девичье сердце и заставляло постоянно улыбаться.

- Мне нужно в Череконь. - продолжал мальчик. - Там мой отец.
- Ни в коем случае, - запротестовала Лариса. - Тебе туда нельзя! Там много людей в касках, и на их воротниках выведены буквы SS!
- Но что же нам тогда делать?
- Ты знаешь деревню Сосновка?
- Да. Она отсюда в пяти шагах.

Лариса задумалась.

- Там живет моя бабушка.
- Что же ты раньше не сказала?
- Я боялась.

Аполлон рассмеялся.

- Меня что ли?

Лариса утвердительно качнула головой. Мальчик встал на ноги, огляделся и взял в руки пестривший названиями стран чемоданчик.

- Пойдем! Бабушка, наверное, уже ждет нас.

...

Солнце закатывалось за горизонт, небо окрасилось в малиновые тона. Аполлон усердно прокладывал Ларисе дорогу сквозь грязь, чтобы девочка, по его выражению, не "запачкала красные ботиночки". Хотя истинная цель, быть может, была совсем в другом - уж очень мальчику хотелось выделиться, порисоваться перед редкой птичкой в здешних краях. Он то и дело оборачивался на Ларису. Краски заката касались ее красивого лица. Девочка мило улыбнулась ему и продолжила следовать по его стопам. Спутник казался ей странным, но в то же время надежным. Интересно, на многое ли он готов пойти ради нее?

Когда молодые люди подошли к деревне, уже смеркалось. Супостата не было видно, но кто может знать, в каких кустах засел неприятель? Стало прохладнее. К счастью, Лариса сразу же нашла глазами дом бабушки. (У девочки, видите ли, отличная память.) Этот небольшой домик с выкрашенной в красный цвет крышей, расположенный на окраине деревни, девочка видела последний раз год назад, обнаружив фотокарточку в мамином портмоне. В тот день семья пересекала Эфиопию на обратном пути из ЮАР, и фото особо контрастировало на фоне джунглей и диких львов.

Аполлон огородами вывел свою спутницу к дому бабушки. Бабушку, как застают обычно всех бабушек в такое время, Лариса застала за приготовлением картошки. Разумеется, было много вздохов, слез и прочих эмоций. Наплакавшись, бабушка, наконец, заметила Аполлона:

- Видный у тебя жених, дочка. Только грязноват.

И тут засохшие слезы плавно переключались в смех. Оказалось, что внучке всего 12, а ее жених всего на год старше невесты. Но и тут у бабушки явилось собственное мнение:

- Оно и к лучшему. Глядишь, чище станет!

Как вспоминал после Аполлон, время в Сосновке пролетело незаметно. Раньше всех в доме, соревнуясь с первыми петухами, просыпалась бабушка. Каждое утро она преклоняла колени перед иконами и вслух читала молитвы, вспоминала имена усопших. (К ее многочисленному списку добавилось еще несколько имен.) Затем она готовила завтрак: обычно это были куриные яйца, поджаренные на сале, и по праздникам с хлебом. У бабушки была корова, и когда немцы появлялись на горизонте, первой задачей Аполлона было увести скотину в лес. Ненасытная гитлеровская армия забирала из деревень домашний скот, продукты питания и остальные не приколотенные вещи. Местные жители настолько были напуганы, что прятали детей и прятались сами в домах, огородах, где наспех были вырыты ямы, в каналах и других неприметных местах. Для Ларисы и ее бабушки Аполлон вырыл целый бункер, и когда очередная армия проходила мимо деревни, он садился по обыкновению на порог дома, представлялся нищим и всем своим видом показывал, что в этом затертом пылью и временем доме, уже давным-давно никто не живет. Немец обычно сухо посмеивался над ним, плевал в сторону и проходил мимо. В такие

моменты Аполлон чувствовал себя истинным олимпийцем - покровителем людей! С каждым днем Лариса подмечала в нем все новые достоинства и с нарастающей силой ее человеческая благодарность к нему перерастала в нечто большое. "Может, это весна? - ловила она себя на мысли, когда мальчик уходил ловить рыбу к реке и возвращался только к вечеру. - Почему он так долго не возвращался? Хотя бы улыбнулся мне."

Однажды летом Аполлон ушел из деревни и не возвращался несколько дней. Лариса ужасно беспокоилась, бабушка собиралась уже причислить "жениха" к лику святых, как на пороге появился он, счастливый и с ребенком на руках - маленькой девочкой. Это была его сестричка Лиля с большими глазками. Бабушка уже хотела было взять скалку, но увидев божественное существо на руках Аполлона, переменяла свое решение.

Как оказалось, в родной деревне мальчика поселился немецкий отряд. Уцелевшие жители прятались по лесам и другим деревням. Аполлон разыскал маму, младшего брата и сестру на прежнем месте в доме лесника. Лиля приболела, ей нужен был теплый дом и особый уход. Мальчик решил взять ее с собой в Сосновку, дав матери слово, что позаботится о единственной сестре.

- Иначе поступить я не мог, - опустил он голову и крепче прижал к груди кашлявшую Лилю.
- Молодец, сынок, - совсем растаяла бабушка и протянула теплые руки. - Поддай-ка мне этот клубочек любви.

Так бабушка, а вместе с ней и Лариса хлопотали над девочкой день и ночь, и вскоре Лиля пошла на поправку. Лариса очень привязалась к девочке. Она игриво посматривала то на Аполлона, то на его сестренку, пытаясь разглядеть сходство. Часто Лиля, хлопая глазками, тянула маленькие ручки к Ларисе и та прижимала ребенка к себе. В такие моменты время останавливалось, глаза закрывались, она вспоминала маленького братика, маму и отца, расстрелянных в вагоне поезда. Красное пятно крови вставало перед глазами, появляясь на окне поезда. Тогда девочка открывала глаза, прижимала Лилю крепче к груди и, раскачиваясь из стороны в сторону, громко плакала. Жизнь порой дарит нам второй шанс, забирая первый и оставляя лишь горькие воспоминания о нем.

...

Одной из тревожных ночей в дверь аккуратно постучали. Бабушка первая открыла глаза: "Кого это еще занесло в такую темень? - размышляла она. - Немец? Не похоже. Он бы не стал так стучать. Соседка Клавдия? Да. Скорее всего она," - и уже вслух добавила. - Клав, а Клав. Ты что ль? Поди, сон тебе какой страшный приснился?

Заолав, бабушка скатилась с кровати, сунула распухшие ноги в тапки и, покачиваясь из стороны в сторону, поплыла к двери.

- Клав, а Клав! Ты бы еще под утро при...

Но бабушка не договорила, ее речь прервалась на полуслове. На пороге дома стоял высокопоставленный немецкий офицер в пенсне. Он невозмутимо поглядывал на старушку сверху вниз. Рядом с ним и позади стояли вооруженные солдаты. Стволы их орудий были направлены на открытую дверь. На заднем плане стоял автомобиль с включенными фарами. Первым заговорил офицер:

- Ich wage Sie zu informieren, dass jetzt werde ich in Ihrem Haus leben.

Затем он выдержал паузу, сомкнул руки за спиной, и солдат в очках, стоявший рядом с ним, перевел предложение офицера на довольно сносный русский:

- Генерал смеет вас уведомить, что теперь он будет жить в вашем доме.

Бабушка молчала, открыв от изумления рот и выпучив глаза. Сердце в ее груди бешено забилося. Все ее мысли были только о детях. Спят ли они сейчас? Или проснулись и уже успели спрятаться?

- Da Sie nicht geschehen. Ich versichere dir, - чеканя каждое слово, произнес генерал.

- Генерал гарантирует вам и вашей семье жизнь, - тут же перевел солдат и поправил на переносице очки.

- Lassen Sie? (Разрешите?) - генерал переступил порог дома. За ним рассыпалось, словно горох по

полу, его окружение. Несколько солдат стали по периметру дома, другие вошли внутрь и обыскали все комнаты. Когда осмотр закончился, солдаты покинули дом, забрались в кузов автомобиля и выключили свет фар. В доме остались только солдат-переводчик, генерал, его повар - толстый, расторопный, с сальным лицом и бабушка. "Дети, видимо, вовремя смекнули, - искала тревожным взглядом бабушка внучку и ее друзей. - Спрятались, слава Богу!"

- Wo kann ich schlafen? - генерал присел в кресло, обитое изрядно истрепавшимся бархатом.

Переводчик встал рядом с креслом:

- Генералу нужен сон.

- Вот сюда, пожалуйста, - неуверенно и как-то тихо произнесла бабушка, указывая на одну из двух комнат в доме, отделенную от первой деревянным щитом. Генерал встал и прошел по направлению ее руки.

В комнате стояла широкая кровать с двумя большими подушками и не менее объемным одеялом. Кровать была не заправлена - на ней обычно спала глава дома.

- Gut! - в привычной манере воскликнул генерал и повернулся к остальным.

- Генерала все устраивает, - обратился переводчик к бабушке. - На сегодня это все. Можете идти спать.

С испуганным лицом бабушка доплыла к берегу другой комнаты, в которой обычно спали дети. Она машинально легла на маленькую кроватку, уткнулась носом в подушку, от которой еще доносился аромат волос внучки. Старушка так и пролежала, не смыкая глаз до самого утра.

...

Как оказалось, на белом свете существовали люди, которые просыпались раньше бабушки.

Ранним утром, обогнав восход солнца на повороте, немецкие солдаты уже втащили в дом генеральский чемодан, раскладной письменный стол, радио, кастрюли, тарелки, еду и другие вещи первой необходимости. Радио тут же было настроено на нужный лад и стало вещать, не останавливаясь, круглые сутки.

Всю эту ночь Аполлон, Лариса и Лиля прятались под полом, где было тесно, сыро и темно. Через половую щель Аполлону все-таки удалось разглядеть генерала, когда тот спустя пару часов изволил проснуться. Он вышел из комнаты в белом нательном белье. Позевывая, протер пенсне подолом белой рубахи.

К обеду, когда генеральский автомобиль куда-то отъехал, а сам генерал обедал, Аполлон решил покинуть временное убежище и спрятаться на первое время в лесу. Сначала он вылез сам. Половые доски предательски зашкрипели. Мальчик застыл на месте. В передней по-прежнему преспокойно сидел за столом генерал, на кухне кудесничал его повар. Неподалеку стояла бабушка и молча смотрела на него не то с отвращением, не то с любопытством.

Аполлон помог вылезти из подпола Лиле, затем Ларисе. Девочка за что-то зацепилась, и пришлось повозиться, прежде чем она смогла выбраться. Тем временем, почуяв влекущий аромат вкусной пищи (в деревне уж давно голодали), Лиля подошла к занавеске, отделяющей кухню от комнаты. За столом на кухне сидел незнакомый человек и аппетитно кушал, работая ложкой. Лиля не удержалась и выглянула из-за занавески. В этот момент Ларисе удалось выбраться из подпола. Аполлон встал на ноги, отряхнулся и оглянулся в поисках младшей сестры:

- Боже! - прошептал он.

Лиля сделала несколько шажков и остановилась прямо перед столом. Увлеченный поглощением еды, генерал не сразу заметил ребенка. Но вот его взгляд машинально соскользнул с тарелки на пол. Ложка выпала из рук, лицо надело маску, за которой невозможно было определить душевные порывы и эмоции. Следующим действием генерал не спеша сунул руку в карман верхней одежды, висевшей на спинке стула. В руке блеснул черный пистолет. Склонив белокурую головку набок, Лиля смотрела на генерала большими голубыми глазками. Генерал плавным движением перезарядил оружие, девочка мило хлопала глазками, офицер поднял дуло пистолета, Лиля протянула к нему маленькие ручки. Чего можно было ожидать от беспощадного немецкого офицера, чьей задачей было выиграть войну? Мог ли он допускать компромиссы в

свое железное сердце, да и нужна ли вообще жизнь побеждаемому народу?

Подняв дуло пистолета на окна, генерал посмотрел, нет ли кого на улице. Затем поставил оружие на предохранитель и положил обратно в карман. Лиля улыбнулась ему, он улыбнулся в ответ. Встал из-за стола, нагнулся к девочке, подхватил ее на руки и сел обратно за стол. Посадив Лилию на колени, он стал кормить ее. Теплые щи показались ребенку самым вкусным блюдом на свете. - Essen? Mädchen. Sie müssen mehr essen, (Кушай? девочка. Тебе нужно больше кушать) - приговаривал он и гладил Лилию по головке. На его суровом лице появилась человеческая улыбка. Он крикнул повара и приказал тому что-то на немецком.

По щелчку пальца со стороны кухни показался повар с небольшим мешочком в руках. Следом за ним выплыла бабушка - завидев Лилию в генеральских руках, она чуть было не упала в обморок. Через секунду, отбросив занавески в сторону, из комнаты вбежал Аполлон с обезумевшим видом. В руках он крепко сжимал совковую лопату. За ним показалась Лариса. Ее руки были сжаты в кулаки. Она все тряслась от страха. Образовалась секундная пауза, после чего генерал иронически взглянул на Аполлона, стремительным движением выхватил мешочек из рук повара. Мальчик наставил на него лопату, словно та могла выстрелить. Не обращая на него внимания, генерал ловко развернул узелок на мешке и перевернул его. Обильный поток конфет хлынул из мешка на стол. Сладости образовали горку на столе и падали на пол. Увидев подобное, Аполлон опешил, Лариса смотрела во все глаза, бабушка переводила взгляд с Аполлона на генерала и обратно, повар подобострастно наблюдал за действиями своего командира, глаза Лили светились от счастья, а генерал смеялся, смеялся от всей души, быть может, впервые за много лет.

- Nun, was stehen Sie? (Ну что вы стоите?) - взмолился генерал и, взяв со стола кучку конфет, подкинул в воздух. - Essen! Essen! (Ешьте! Ешьте!)

Этих слов словно и ждали все окружающие. Лиля первой опробовала сладости, набив ими полный рот. Ее глаза светились от счастья, а щеки раздулись от обилия конфет. Затем Лариса, переборов дрожь в теле, подошла к столу, выбрала несколько разных конфет и, посмотрев на генерала, сказала:

- Danke. Du bist sehr nett. (Спасибо. Вы очень любезны.)

Генерал поднял одну бровь и изумленно ответил:

- Sie, junge Dame, eine große bayerischen Akzent. (У вас, юная леди, отличное баварское произношение.)

- Danke. (Спасибо), - девочка сделала реверанс.

- Чудеса какие-то, - пробормотал под нос Аполлон, поставил лопату в угол и с опаской подошел к столу. "Может, нас хотят оставить?" - подумал было он, но глядя на Лилию, отбросил всякие предостережения. Сначала он взял одну конфету, затем другую и, уже не выдержав, бросился под стол и стал собирать в подол рубахи остальные рассыпавшиеся конфеты. Бабушка, глядя на происходящее, забыла о всяких предостережениях и бросилась к генералу на шею:

- Батюшка ты наш, кормилец! Сам Божий Промысел послал тебя к нам!

Немец лишь робко попытался избавиться от горячих объятий, приговаривая:

- Es ist nicht nötig, mir zu danken! Jeder verdient Respekt! (Не стоит меня благодарить! Каждый человек достоин уважения!)

Так и запомнился этот день, окропивший сердца эликсиром счастья. Он стал одним из немногих в эти ужасные и кровавые дни варварства и безнаказанности - руководства титана на сцене театра марионеток.

Повар целый день готовил для детей разные шедевры немецкой национальной кухни, а генерал смотрел на этот праздник жизни со стороны и был сыт одним лишь изобилием эмоций. В этот день он позволил себе роскошь быть человеком, а не железной машиной. Человеком, а не марионеткой. И кто знает, может быть, именно этот поступок в конечном счете перекроет всю последующую жестокость и послужит входным билетом на тот свет? Кто знает...

...

Дни шли быстро, как и лето, не собирающееся долго задерживаться. Генерал постоянно покидал

дом. Его не было неделями, а то и больше. Но он неизменно возвращался. И хотя больше он никому не улыбался и не сыпал конфетами, он оставался почтительным к бабушке и детям и не позволял другим солдатам вселяться в "его дом".

Аполлон уже несколько раз пробовал пробраться к отцу в Черек, но все попытки оставались безрезультатными - немец плотно засел в городе. Войти в него означало умереть. Мальчику приходилось выжидать, сидя в Сосновке. Он часто отлучался к матери и брату, приносил им еду, оставшуюся после генеральского стола. Недоедал сам, но его родные были сыты...

Так проходили дни за днями. Шел уже второй год кровопролитной войны. Мальчик не мог знать всего, что происходило вокруг Сосновки, в стране, на фронтах... А вокруг полыхала самая страшная в истории человечества война.

Готовясь к нападению на СССР, фашисты в конце 1940 г. разработали план «Барбаросса», по которому рассчитывали еще до наступления зимы разгромить основные силы Красной Армии и победоносно закончить войну. Германия постепенно перебрасывала свои войска на территорию Польши, ближе к границе СССР. На границе с Белоруссией германское военное командование к началу войны сконцентрировало самую мощную группировку армий «Центр», которая насчитывала 50 дивизий, 1800 танков, 14300 орудий и минометов, 1680 боевых самолетов, 820 тысяч солдат и офицеров. С советской стороны этим силам противостояли войска Западного Особого военного округа, который с 22 июня 1941 г. стал называться Западным фронтом. Он имел в своем составе 44 дивизии, 3 бригады, 8 укрепленных районов и Пинскую военную флотилию, 2202 танка, 10087 орудий и минометов, 1909 боевых самолетов. Общая численность войск Западного фронта составляла 672 тысяч солдат и офицеров. О намерениях Гитлера напасть на Советский Союз предупреждали разведчики, перебежчики, которые называли точную дату фашистского нападения.

На рассвете 22 июня 1941 г. германские войска пересекли границу СССР. Пользуясь безалаберностью железнодорожников, командования Брестского гарнизона, немцы перебросили из-за Буга эшелон с опломбированными вагонами, в которых были вооруженные солдаты и офицеры, на станцию Брест-Западный. Они заняли станцию и часть города, оставив в тылу пограничников и военных в крепости. Неспособность командования предвидеть ход военных действий проявилась и в размещении воинских соединений Западного фронта в Белостокском выступе. Из 26 дивизий первого эшелона здесь было сконцентрировано 19, в том числе все танковые и моторизованные. 10-я армия должна была держать оборону в центре - наиболее сильная. По флангам стояли 3-я и 4-я армии - более слабые. Немцы об этом хорошо знали и наступление начали с флангов. В первый день войны 4-я группа Гоппнера прорвала фронт 3-й армии, и в прорыв ворвался корпус Манштейна, к вечеру 22 июня 3 дивизии Красной Армии были рассеяны, а 5 других понесли потери до 70% личного состава. 14-й мехкорпус в районе Пружаны - Кобрин в этот же день был почти полностью уничтожен. Здесь погибло около 14 тысяч советских солдат.

В ночь с 22 на 23 июня командующий фронтом Павлов пытался организовать контрнаступление, но это привело к огромным потерям живой силы и техники. 23 и 24 июня погибли 6-й и 11-й мехкорпуса. Командование фронтом предприняло попытки задержать наступление немцев в районе Полоцк - Витебск. И эта попытка была безуспешной. 25 июня к северо-востоку от Слонима танки Гудериана и Гота завершили окружение частей, которые отходили от Белостока. 26 июня немцы захватили Барановичи, а 27-го - большинство частей Западного фронта попали в новое окружение в районе Новогрудка. 11 дивизий 3-й и 10-й армий были уничтожены.

26 июня 1941 г. немецкие механизированные части подошли к Минску. Войска 13-й армии удерживали рубежи до 28 июня. Героически сражались войска 100-й стрелковой дивизии генерал-майора И.М. Русиянова в районе Острошицкого городка. К вечеру 28 июня немецкие войска заняли Минск. Отступая на восток, части Красной Армии вели тяжелые оборонительные бои. Все тяготы обороны страны были возложены на плечи простых солдат. Только 29 июня была дана директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых

областей, в соответствии с которой проводилась дополнительная мобилизация в Красную Армию. В июне-августе было мобилизовано более 500 тысяч жителей Белоруссии.

Для борьбы с вражескими диверсантами и парашютистами создавались истребительные отряды. В середине июля было создано 78 истребительных батальонов. Для помощи армии организовано более 200 формирований народного ополчения. В восточные районы СССР было эвакуировано более 1,5 млн человек, вывезено оборудование 124 предприятий, 5 тысяч тракторов, 674 тысяч голов скота. В восточные районы страны были эвакуированы коллективы 60 научно-исследовательских институтов и лабораторий, 6 театров, более 20 высших и средних специальных учебных заведений, 190 детских учреждений. В начале июля 1941 г. советское командование предприняло попытку создать линии обороны вдоль Западной Двины и Днепра. Три дня шли бои в Борисове. 14 июля под Оршей впервые были применены реактивные минометы. Жестокие бои развернулись в районе Бобруйска. С 3 по 28 июля продолжалась оборона Могилева. Только во время 14-часового боя на Буйницком поле было уничтожено 39 танков и бронетранспортеров противника. Тяжелые бои 12-19 августа шли за Гомель. К началу сентября 1941 г. вся территория Белоруссии была оккупирована немецкими войсками.

В ходе оборонительных боев войска Красной Армии потеряли 1,5 млн. человек, 10 тыс. орудий и минометов, 5 тыс. танков и 2 тыс. самолетов. Несмотря на тяжелые потери, советские воины самоотверженно сражались, совершали беспримерные подвиги. В районе Гродно застава пограничников отбивала атаки фашистов в течение десяти часов. До конца июня 1941 г. стойко сражался гарнизон Брестской крепости. В первые дни войны экипаж капитана Н.Д. Гастелло направил свой подбитый самолет на скопление вражеской техники и живой силы. Таранили вражеские самолеты в первые часы войны летчики П.С. Рябцев над Брестом, А.С. Данилов в районе Гродно, С.М. Гудимов в районе Пружан, Д.В. Кокарев.

Катастрофа Красной Армии в начале войны была следствием существования в стране жесткого тоталитарного режима. Одной из причин этой катастрофы была некомпетентность, самоуверенность партийного, государственного аппарата в центре и на местах. Руководство БССР в первые дни войны призывало население сохранять спокойствие, убеждало людей, что враг не пройдет. Принимались постановления о борьбе с «паникерами». В это же время готовились эшелоны для эвакуации сотрудников ЦК и государственных органов. За три дня до оккупации, в трагический для народа период, руководители республики, не объявив общей эвакуации, тайно в ночь с 24 на 25 июня покинули город. Оборона западных военных округов оказалась неподготовленной. В результате репрессий военных кадров во второй половине 30-х годов было уничтожено около 40% наиболее подготовленных, опытных офицеров, генералов, маршалов. Маршал А.М. Василевский впоследствии заявил, что без репрессий 1937 г., возможно, войны 1941 г. не было бы вообще.

Захватив территорию Белоруссии, гитлеровцы установили здесь оккупационный режим, так называемый «новый порядок». По плану «Ост» предполагалось оставить в Белоруссии только 25% населения для использования в качестве рабочей силы. Остальные 75% подлежали уничтожению или высылке. Установлено новое административное деление республики. Восточная часть была отнесена к «области армейского тыла». Власть здесь осуществлялась военными и полицейскими органами, подчиненными штабу группы армий «Центр». Южная часть Белоруссии по линии 20 км севернее железной дороги Брест - Гомель была отнесена к рейхскомиссариату Украины. Северо-восточную часть немцы включили в состав Пруссии и генерального округа «Литва». Оставшаяся 1/3 территории Белоруссии - Барановичская, Вилейская, Минская (без восточных районов), северные районы Брестской, Пинской и Полесской областей - вошла в состав генерального округа Беларусь, который был включен в рейхскомиссариат «Остланд» с резиденцией в г. Риге и разделен на 10 округов. Во главе этих округов стояли немецкие чиновники (гебитскомиссары). Вспомогательную роль играли местные учреждения - управы, во главе которых стояли назначенные гитлеровцами бургомистры, старосты, войты.

Так называемый «новый порядок» поддерживался вооруженными формированиями СС

(охранные отряды), СА (штурмовые отряды), полицией безопасности и службой безопасности СД, гестапо, тайной полевой полицией, контрразведывательными органами «Абвера», жандармерией и др. Были созданы специальные оперативные группы (айнзацгруппы) для борьбы с партизанами и подпольщиками.

На территории Белоруссии действовало 260 лагерей смерти, их филиалов и отделений. Только в Тростенецком лагере смерти уничтожено 206 500 человек. Во всех городах были организованы гетто для евреев. Одним из наиболее крупных было Минское гетто, в котором уничтожено около 100 тысяч евреев. За период оккупации оккупанты провели в Белоруссии более 140 крупных карательных операций против партизан и мирных жителей.

...

Уже многим позже, после окончания Второй мировой войны, Аполлону - уже взрослому и состоявшемуся мужчине удалось выяснить, что во время 28 таких операций только в 1942-1943 гг. карателями было убито 70 тысяч человек, уничтожено свыше 5295 населенных пунктов, в том числе 628 сожгли вместе с жителями. В период войны в Белоруссии погибло 2 млн. 200 тыс. человек, 380 тысяч жителей было вывезено в Германию. Чтобы поставить на службу рейху экономику республики, оккупанты организовали работу промышленных предприятий. Они провели регистрацию трудоспособного населения. Рабочий день продолжался 12 часов. Заработная плата была мизерной. Даже за незначительное непослушание рабочего могли отправить в концлагерь. Весной 1942 г. на территории генерального округа Беларуси была проведена земельная реформа. Все колхозы были распущены, а их земли перешли в семейное пользование крестьян в рамках так называемых земельных кооперативов. На территории восточной части республики колхозы еще долго сохранялись. Немецкую администрацию здесь с 17 июля 1943 г. по 22 сентября 1943 г. возглавлял генеральный комиссар (гауляйтер) В. Кубе. После того как Е. Мазаник и М. Осипова привели приговор партизан в исполнение, генеральный комиссариат возглавил генерал полиции К. Готберг. В. Кубе стремился привлечь к сотрудничеству местных жителей в рамках вспомогательных органов управления и полиции. 22 октября 1941 г. была создана Белорусская народная самопомощь (БНС), возглавляемая доктором И. Ермаченко. Она взяла на себя функции по обеспечению нуждающегося населения, имела право организовывать приюты, медицинские учреждения, проводить культурные мероприятия, издавать книги, журналы на белорусском языке. 29 июня 1942 г. провозглашено о создании Белорусского корпуса самообороны (БКС). С июня 1942 г. по апрель 1943 г. создано 20 батальонов. Они были слабо вооружены, не рвались в бой, легко поддавались пропаганде партизан. Весной 1943 г. отряды БКС были расформированы.

22 июня 1943 г. был создан Союз белорусской молодежи (СБМ). Высшим органом СБМ был Центральный штаб во главе с М. Ганько и Н. Абрамовой. Задачей этой организации было воспитание молодежи в духе гитлерюгенда, подготовка ее к работе на военных заводах Германии и службе в военно-вспомогательных частях Вермахта. Члены организации носили специальную форму. СБМ насчитывал в 1944 г. 12 635 человек. Около 5 тыс. из них были направлены на работу и учебу в Германию. В декабре 1943 г. была создана Белорусская центральная рада (БЦР). Президентом БЦР был назначен Р. Островский. Рада стала совещательным органом. Ей формально оккупационные власти передали социальное обеспечение, культуру и образование. 23 февраля Готберг издал приказ о создании Белорусской краевой обороны (БКО) и поручил БЦР провести мобилизацию мужского населения 1908-1924 гг. рождения. На конец апреля 1944 г. было сформировано 45 батальонов, которые насчитывали около 30 тыс. человек. Главной задачей БКО была борьба вместе с полицией против партизан. Однако созданные батальоны не оправдали надежд немцев. После освобождения Белоруссии часть формирований БКО оказались в Германии. По разным источникам, коллаборационистское движение в Белоруссии насчитывало 80-100 тыс. человек, значительная часть из них была вовлечена в разные формирования немцев.

...

Наступил холодный февраль 1942 года. Федора Платоновича вытолкнули на задний двор тюрьмы

в Черекове, как провинившегося щенка. Голые ноги тут же замерзли на промозглой земле. Грязная рубаха прилипла к исхудавшему телу. Бывший директор школы был небрит, сальные волосы касались плеч - он напоминал Иисуса в последний день жизни на земле, но вместо креста руки были закованы в тяжелые цепи. Уста что-то шептали, уставшее тело колебал северный ветер. Его еще раз толкнули сапогом в спину, и он упал наземь.

- Arise, russischen Vieh. (Вставай, русская скотина.) - послышался ржавый бас из-за двери. - Us und ohne dass Sie selbst eine Menge ;rger (Нам и без тебя еще хлопот уйма).

Федор Платонович попытался подняться, но безрезультатно. Силы с каждой секундой убывали. Проведенный в одиночной камере год держал его на плаву только благодаря теплым воспоминаниям о семье. Каждый день он смотрел на слабый лучик света в грязном решетчатом окне и представлял, как однажды обнимет семью и будет счастлив раз и навсегда. Но дни проходили, как проходили месяцы и времена года. Менялись лишь площадки с вялой похлебкой на грязном полу камеры. Директор школы твердо осознавал, что выбраться из этого ада он сможет только по окончании войны, но она почему-то упорно не заканчивалась. Оставался, конечно, еще один выход - расстрел, но Федор Платонович старался об этом не думать. Его беспокоила неизвестность, способная рисовать удивительными красками и создавать невероятные образы в расшатанном воображении. Интересно, живы ли дети? А жена? Или она уже терпеливо смотрит с небес и ожидает его прихода?

Боже! Сколько может продолжаться эта мука, и почему именно он стал одним из заключенных, последствием тирании сумасшествия, принявшего облик вседозволенности? Почему кто-то на земле обязательно должен страдать? Почему каждая секунда на земле непременно вбирает в себя стенания сотен, тысяч, миллионов людей?

И вот настал день, когда узы, опутывавшие руки, наконец, упали.

- Heb es auf! - прорычал знакомый голос. - Schnell und einfach! (Поднимите его! Быстро!)

Из-за двери показались двое мужчин в еще более плачевном состоянии. Их лица были изуродованы запекшимися ранами и синяками. У одного был сломан нос и повернут в неестественном направлении. Они помогли Федору Платоновичу подняться.

- Вставай, Федя, они не должны видеть нашу слабость.

- Ruhe! (Молчать!) - вскричал немецкий солдат и, показавшись из-за двери, сильно ударил одного из мужчин. Удар пришелся в ребро. Мужчина согнулся от боли, но не упал. Его глаза налились кровью, покатались слезы, но он молчал. Партизаны - более сильных и преданных людей директору школы не доводилось видеть.

Немецкий солдат толкнул рукой второго мужчину:

- Schnell und einfach! dort! (Быстро! Туда!) - указал он пальцем в кожаной перчатке на дальнюю стену во дворе, возле которой курили и смеялись несколько солдат. За плечами у них висели автоматы.

Заключенные последовали приказу.

- An der Wand! (К стене!) - командовал немец.

Партизаны подошли к кирпичной стене. Федор Платонович оказался между ними и только сейчас заметил, что стена забрызгана кровью. Он провел по стене пальцем - кровь была еще теплой и свежей. Под ногами тоже была кровь, он стоял в ней. Ногам стало теплее, а следом - как-то и на душе.

Тем временем солдаты докурили и стали напротив стены на небольшом расстоянии. То были еще совсем молоденькие ребята с не засохшим молоком на губах. Но на их лицах уже успела застыть одинаковая улыбка, и то, как они сняли автоматы с плеч и встали в исходную позицию в ряд, доставляло им неземное удовольствие. Казалось, они желали убивать, и только убийство имело в их коротких жизнях какое-то значение.

Но Федор Платонович уже не думал о них. В ушах зазвенело, время замедлило ход. Он повернул голову направо: партизан трясся всем телом. На его лице застыл ужас. Директор школы повернул голову налево: второй партизан широко открывал и закрывал рот, словно рыба, выброшенная на

берег сильнейшей волной. Глазами он безумно обводил пределы тюрьмы, словно страстно желал запомнить последние секунды жизни, а может, и искал веточку, за которую можно было зацепиться, и никак не находил.

Немецкий солдат в перчатках что-то замедленно прокричал остальным, стоя поодаль от них. Он взмахнул рукой и из его рта полетели слюни. Солдаты с автоматами напряглись, и оружие в их руках шумно застрекотало.

В последнее мгновение Федор Платонович взглянул на небо, по которому проплывало удивительной формы и белизны облако. Директор школы не чувствовал страха и ощущал себя словно во сне. Боли тоже не было - вот только облако поплыло в другую сторону, как-то отдалилось и яркое небо перекрасилось в темные тона. Федору Платоновичу представился его школьный кабинет - он наклоняется над подоконником и бережно поливает из самодельной лейки лимонные деревца.

- Однако, - обращается директор ко второму из лимонных братьев, заложив одну руку за спину, а второй ставит лейку на подоконник. Тут лейка соскальзывает с подоконника и падает на пол. Федор Платонович улыбается и падает вслед за ней. Только встречается не с деревянным полом, а с землей, с которой всем нам рано или поздно придется встретиться. Исключений не бывает.

...

В этот миг далеко от Черехова, в родной деревне проснулась Александра. Уже который день ее мучили схватки в области живота. Четвертый ребенок вот-вот должен был появиться на свет - маленькое создание, которому уже никогда не доведется увидеть родного отца.

...

Спустя несколько дней после смерти отца Аполлон проснулся в Сосновке раньше обычного и, словно предчувствуя дурные новости, стал собираться в путь. Чуждыми показались всякие предостережения. Собрав мешочек с провизией и некоторыми вещами отца (он взял их из родного дома), Аполлон подошел к кровати бабушки. Деревянные доски скрипнули под ногами. Старческий сон был нарушен. Сонно взглянув на мальчика, бабушка сразу же почувствовала тревогу:

- Куда же ты, милоч, собрался в такую рань?

- Я ухожу, - отвел глаза в сторону Аполлон. - Но я обязательно вернусь, - тише добавил он.

- Дело твое, сынок. Всегда нужно идти по той дороге, что указывает сердце, - расстроено ответила старушка.

Аполлон молчал. Вместо слов сделал несколько шагов по направлению к постели. Бабушка поднялась с кровати (это далось ей с некоторым трудом) и освятила мальчика крестным знаменем:

- Храни тебя Господь Бог!

Аполлон принял знамение с закрытыми глазами и поспешил обнять бабушку. Затем он покинул комнату. Проводив его взглядом, бабушка еще некоторое время смотрела на пустой дверной проем.

Аполлон тихо подошел к кровати, на которой безмятежно спала Лариса. Лицо девочки казалось ангельским: густые волосы рассыпались по подушке, закрытые веки источали всю красоту этого мира, пухлые губки были слегка приоткрыты. Интересно, что ей сейчас снится? Что-то сладостно кольнуло мальчика прямо в сердце и, не устояв, он решился на первый в жизни поцелуй. Он поднес свое лицо к лицу возлюбленной, почувствовал кожей ее теплое дыхание и едва коснулся губами медовых губ. Лариса что-то пробормотала сквозь сон и повернула головку набок. Сердце в груди мальчика забило сильнее, и переборов в себе сильнейшее желание, он бросился на улицу. По пути он заметил маленькую кроватку, на которой обычно спала Лиля. (Девочка уже давно находилась с матерью и младшим братом в родной деревне). Интересно, соберется ли еще когда-нибудь его семья в полном составе? Все ли будут живы и назло войне выберутся из нее живыми и невредимыми?

Бедный мальчик, он вновь шел через леса в Черехов, к отцу, и мысли о нем порой

перемешивались лишь с мыслями о Ларисе. Лишь покинув ее в то раннее утро, он понял, что быть счастливым в одиночестве человек никогда не сможет.

Наконец, достигнув города, Аполлон ожидал увидеть полчища немецких войск, но вместо этого лишь скудный отряд супостата был рассеян по всей площади города, да и тот не собирался долго задерживаться. Город был цел и невредим, но казался каким-то неодоушевленным - беднота и серость опустошили его изнутри. Местные жители трясущимися руками указали мальчику на здание комендатуры. В здании было тепло и горел свет, словно оно не относилось к остальному городу и стояло в стороне особняком.

Первым, на кого наткнулся Аполлон, был немецкий офицер:

- Фамиелья! - выплюнул он, коверкая русскую речь.

- Что, простите? - не понял мальчик.

- Твоя фамилья! - более отчетливо повторил немец.

- Репнин.

- Was? (Что?) - вскинул брови в изумлении солдат. - Wie? Komm her, schnell! (Как? Ко мне, живо!), - крикнул он солдатам в дверях. Те быстро подбежали. - Shoot! (Расстрелять!) - скомандовал офицер, побагровев.

Солдаты тут же схватили перепуганного мальчика и потащили на улицу.

- За что?! - кричал Аполлон, пытаясь вырваться из цепких лап. - Почему?

- Halt den Mund! (Молчи!) - гаркнул один из солдат и хлестко ударил мальчика по лицу. Из его носа ручьем хлынула кровь.

- Der Teufel wei, was! (Черт знает что!) - Оставшись в одиночестве, офицер обратился к висевшей на стене картине. - Kinder Partisanen und Gegner des Regimes Spinn unter die Nase! (Дети партизан и противников режима крутятся под самым носом!)

Затем он поправил фуражку, дернул за подол новенький китель и растворился в стенах комендатуры, оставив за собой стук ботинок о мраморный пол.

Между тем солдаты уже вытащили Аполлона на улицу и поволокли его за руки к зданию тюрьмы. Ноги мальчика волочились по грязной земле, штанины собирали придорожную грязь. Но, несмотря на весь ужас происходящего, лицо мальчика озаряла улыбка. "Я увижу папу, - кричал внутри него знакомый голос. - Я скоро увижу его, и мы вместе выберемся из этого гнилого места!"

По пути попадались прохожие. Завидев солдат, они ускоряли шаг, отворачивались или сворачивали в ближайшую подворотню, будто волочили по земле не их соотечественника, а какого-то прокаженного. И только одна опрятно одетая женщина, шедшая по другой стороне дороги, какое-то время старалась разглядеть лицо мальчика. Внезапно она приложила изящную ручку ко рту и поспешно перешла дорогу.

- Hans und Dietrich, meine Liebe. (Ганс и Дитрих, дорогие мои), - на половине дороги промурлыкала она на чистом немецком. Солдаты остановились, обернулись и широко распахнули свои глупые физиономии:

- Guten Tag, Frau Agna. (Добрый день, фрау Агна), - синхронно выпалили они. Женщина жеманно улыбнулась и с презрением бросила взгляд на мальчика. Аполлон поднял на нее чистый взгляд, в котором не было и тени отвращения. Женщина средних лет, полненькая, обильно накрашенная и с манерами, показалась ему не той, за кого она себя выдает.

- Sie tragen Schlachtvieh? (Несете скотину на убой?) - как можно небрежнее фыркнула она.

- Und es gibt. (Так и есть), - рассмеялись солдаты.

- Well. (Что ж), - фрау Агна выдержала паузу и достала из кармана пальто пачку дорогих сигарет. Закурила. - Also warum sind Sie zwei Spreng, nicht auf meinem Balkon bew;ssert gestern Blumen?! (Так почему же вы, два олуха, не полили вчера цветы на моем балконе?!) -набросилась она на солдат, словно немецкая овчарка на кусок мяса.

Солдаты отшатнулись от внезапной перемены ее настроения, переглянулись и попытались возразить.

- Frau Agna, wir... (Фрау Агна, мы...)

- Keine Ausreden. (Никаких отговорок), - запротестовала женщина. - Schnell gie;en die Blumen! (Быстро полить мои цветы!) - вскричала она. Немцы покосились друг на друга, затем на мальчика, который продолжал внимательно изучать лицо немецкой фрау. Что-то совсем иное пряталось за этим толстым слоем пудры на ее лице.

Угадав мысли солдат-тупиц, фрау Агна добавила:

- Sie k;nnen bis zu diesem Aussenseiter heraus, um den Baum zu befestigen. (Можете пристегнуть пока этого выродка вон к тому дереву), - она обратила внимание солдат на молодой дуб между домов.

- Und ich sehe, dass er immer noch hier. (А я прослежу, чтобы он никуда не делся.)

С минуту поразмыслив, один солдат пнул придорожный камушек, другой снял каску и почесал затылок. Нарушать приказ офицера значило попасть под трибунал, но и перечить солидной фрау они тоже не смели. Начальник комендатуры вон как с ней обходился: обращался на вы, предлагал присесть, заискивал. Ганс посмотрел на Дитриха, тот пожал массивными плечами, на что первый махнул рукой.

- Es wird getan, Frau Agna. (Будет сделано, фрау Агна), - взял на себя ответственность один из солдат.

- Gut. Gut. Es ist sehr gut. (Хорошо. Хорошо. Это очень хорошо), - одобрительно захлопала в ладоши женщина.

Когда солдаты привязали Аполлона собственными ремнями к дереву и уже собирались в путь к дому фрау, женщина окликнула их и как бы невзначай обронила:

- Ich habe auf dem K;chentisch eine Flasche Wodka. Achten Sie nicht auf, es zu, okay? (Я оставила на столе в кухне бутылку водки. Не обращайтесь на нее внимания, хорошо?) - и игриво добавила. - Frauen haben eine so kurzes Ged;chtnis. (У женщин такая короткая память!)

- Es wird getan (Будет сделано), - услышался привычный ответ, и немцы, потирая руки, тут же ускорили шаг.

Когда они исчезли из виду, фрау Агна, все это время безмолвно стоявшая около дуба и нервно постукивавшая каблучком о тротуар, изменилась в лице и пристально посмотрела на связанного Аполлона. Мальчик тем временем уже представил себя пушкинским ученым котом, что ходит по цепи кругом. Вот только вместо цепей были ремни, да и те больно сжимали руки.

- Не спрашивай меня, зачем я это делаю! - нарушила тишину женщина, перейдя на русский язык с еле заметным акцентом.

- Делаете что? - изумленно спросил мальчик.

- Нет. Mein Gott! (Боже!) Это бред, - коснувшись кончиками пальцев лба, отвернулась фрау Агна. - Безумие и навождение!

- У вас что-то случилось?

- Да нет, дружок, - обернулась женщина к нему вновь. - Это у тебя что-то случилось! И поверь, это худшее, что может случиться с человеком!

Аполлон мужественно посмотрел на женщину:

- Я не боюсь!

- Ja!(Да!) Тот же храбрый взгляд и несгибаемый характер, - улыбнулась одной половинкой накрашенных губ фрау Агна. - Ты будешь иметь колоссальный успех у женщин, какой имел в молодости твой отец.

- Пойдите, - смутился мальчик. - О чем вы толкуете?

- То же серьезное отношение ко всему..., - совсем не слышала его Агна. Подернутые временем воспоминания томным вальсом вскружили ей голову. - Неужели, мальчик мой, ты еще не понял?

- Не совсем.

- Твой папа - Федор Платонович Репнин был первым джентльменом на историческом факультете в Московском университете. Ведь ты Репнин. Не так ли?

- Да, - пытался что-то припомнить Аполлон. Какую-то ускользящую деталь. - Инициалы, - задумчиво добавил он.

- Что, прости? - окончательно затерялась в прошлом женщина.

- Инициалы на бордовом платке, - твердо произнес мальчик. - А.Ш. Одна из девушек - немка подарила носовой платок моему отцу...

- Агна Штерн, - перебила Аполлона женщина. - Das war ich! Это была я!

- Невероятно, - мальчик оглядел фрау Агну во весь рост, словно диковинную картину. - Папа многое рассказывал о вас.

- Но выбрал твою маму, - состроила рожицу женщина. - Однако теперь он уже ничего не сможет тебе рассказать, - изменилась она в лице.

- Это почему еще? - голос Аполлона дрогнул. Фрау Агна отвела взгляд в сторону:

- Федор убит. Его расстреляли эти немецкие сволочи, как последнюю собаку. Все тело было изрешечено пулями.

- Этого не может быть! - дернулся было мальчик, но тугие ремни удержали его на месте.

- Не кричи, - с опаской посмотрела по сторонам женщина и достав из сумочки небольшой ножик, подошла к мальчику вплотную. - Нас могут услышать. Одна смерть не вправе забирать другие.

- Не подходите ко мне, - взмолился Аполлон. - Я не желаю умирать от рук первой возлюбленной своего отца! Уж лучше быть расстрелянным!

- Не дергайся, - приказала женщина и со слезами на глазах стала перерезать ремни, связывающие мальчика. Скоро они ослабли и бездыханно упали на землю - Аполлон был освобожден. Он упал на колени, закрыл лицо руками и горько заплакал. Все его тело содрогалось от безудержных рыданий.

- Вставай, Федор, - тормошила его фрау Агна. - Ты должен быть сильным. Мы расстаемся на время. Совсем скоро ты вернешься к своей Агне и мы уедем в Мюнхен. Ты понравишься моим родителям, Mein Herz (мое сердце), и мы сыграем пышную свадьбу!

Услышав подобное, Аполлон поднял на женщину заплаканное лицо. Ее взгляд был безумен. Она норовила сжать его в ароматных объятиях и расцеловать. "Сошла с ума, - мелькнуло в его голове." Аполлон вскочил на ноги, отстранил женщину и попятился назад:

- Меня зовут Аполлон.

- Федор, - протянула к нему свои холеные руки фрау Агна. - Lass mich nicht, meine Liebe! (Не покидай меня, любовь моя.) Останься со мной еще немного.

Пятясь, мальчик споткнулся о камень, который недавно пнул сапогом немецкий солдат. Женщина приложила руку в привычной манере ко рту и тихо хихикнула.

- Извините, но мне пора, - Аполлон с сожалением посмотрел на безумную. - Спасибо вам за все!

- Скачи, мой рыцарь, на всех порах. Die Reiter des apocalypse'll fangen nie auf! (Всадники апокалипсиса никогда тебя не догонят!)

- Спасибо, - повторил мальчик и, отвернувшись, бросился бежать.

- Беги, Mein Herz (Беги, мое сердце), беги, - понизила голос помешанная, загадочно глядя Аполлону вслед. - Любовь всегда возвращает людей друг к другу.

Когда мальчик совсем смешался с густым туманом, постепенно обволакивающим город, фрау Агна стала рыться в своей сумочке. Извлекла пачку сигарет. Закурила. Ее руки тряслись, странная улыбка застыла на лице. Женщина смотрела в одну точку в пространстве.

...

Задыхаясь, Аполлон бежал от собственных мыслей. Словно загнанный зверь, он спасался бегством от неведомой опасности, подстерегавшей за каждым углом. Мелькали лица прохожих, сменялись дома, из подворотни залаяла собака, припаркованный немецкий автомобиль негромко бухтел, изрыгая выхлопные газы. Мальчик и не заметил, как оставил за негнущейся спиной город. Он не переставал бежать, хотя изрядно устал и вспотел. Мысли перемешались в голове. В воображении всплывали образы. Немецкий офицер расстреливал из автомата отца, а фрау Агна тихо посмеивалась над его конвульсивными движениями. Лицо Федора Платоновича исказилось от боли. Он звал Аполлона. Папа просил о помощи, но сына не оказалось рядом.

Запыхавшись, Аполлон упал посреди дороги. Подполз к обочине и разразился горячими слезами. Это он! Он один виноват в гибели отца. Он не был рядом с ним в трудную минуту, пасуя перед

страхом и выбирая лучшее время для встречи. Он жил целый год под крышей теплого дома, отапливаемого немецкими дровами, и питался генеральскими остатками, в то время как его отца съедала заживо тюрьма. Это Аполлон во всем виноват, он один и никто больше! "Жалкий трус! – твердил внутренний голос. - Ты даже умереть не можешь, как настоящий мужчина! Ты должен умереть и понести наказание за свою трусость!"

Аполлон решил было вернуться обратно, сдаться немцам, но силы окончательно истощились. Он попытался встать, но не удержался на ногах и рухнул, как подкошенный. Стал ползти.

- Я должен умереть, - из последних сил кричал он в дорожную пустоту. - Земля не должна носить таких подонков, как я!

Когда Аполлон уже не мог ползти и охрип от крика, он опустил лицо в грязь и стал стучать кулаком по земле до тех пор, пока не потерял сознание. Но никто его так и не услышал. Дорога была пустынная. Вскоре пошел мелкий дождь. Тело мальчика лежало на пыльной дороге в неестественном положении, отражая всю горечь бытия.

...

Прошло время. Вторая мировая война близилась к своему логичному завершению. И как сказал однажды покойный Федор Платонович, "Начало войны есть начало ее конца."

Красная армия наступала, немцы отдавали некогда занятые ими позиции, сжигая все на обратном пути. Отступающие танки подожгли спиртзавод, немецкие солдаты ходили по деревне с канистрами в руках, обливали бензином дома и поджигали.

Глядя на происходящее из окна, Александра велела подросткам Ване и Лиле выйти на порог дома и громко плакать. Дети укутались последним одеялом, что осталось в доме, и вышли на порог. На улице было холодно, дул сильный ветер. Закутав младшего сына в пеленки (четвертого ребенка решено было назвать Васей), Александра с маленьким живым комочком на руках также вышла на порог и горько зарыдала. Маленький Вася услышал материнский плач и тут же громко заплакал. Соседний дом уже горел, когда немецкий солдат с канистрой и зажженным факелом в руках подошел к дому Репниных. Все его лицо было в копоти и саже. Увидев плачущую семью на пороге дома, он остановился и встал как вкопанный. Канистра выпала из его рук, а следом и факел.

Следующим действием он стал расстегивать пуговицу за пуговицей верхнюю одежду и полез во внутренний карман. Испугавшись, Александра крепче прижала к себе сына. Ваня тем временем встал и заслонил спиной всю семью. Лиля громко плакала, а солдат твердым шагом направился к дому. Рука его по-прежнему была во внутреннем кармане, выражение его лица скрывала копоть. Он подходил ближе и ближе. Миновал скрипнувшую калитку и подошел к самому порогу.

Александра от страха закрыла глаза. Ничего не последовало, тишина. Тогда она открыла глаза и увидела в руках солдата несколько черно-белых фотографий. Немец протягивал их ей. Александра осторожно взяла фотографии. На них была изображена семья: мужчина и красивая женщина сидели на деревянных стульях. На руках женщины покоился младенец, опрятный мужчина чем-то смахивал на грязного солдата. Позади них стояли трое детей: две девочки и один мальчик.

- Das ist meine Frau (Это моя жена), - гордо произнес солдат, ткнув грязным пальцем на фото. - Und das sind meine Kinder. Sie sind sehr klug und h;bsch. Genau wie bei Ihnen. (А это мои дети. Они очень умные и красивые. Совсем как ваши.) - Он обвел русскую семью глазами. Остановился на Лиле и приветливо ей улыбнулся. - Ihr kleines M;dchen ist sehr ;hnlich zu meiner Tochter. (Ваша девочка очень похожа на мою дочь.)

- Спасибо вам, - протирая рукой от слез глаза, словно поняв немецкую речь, проговорила Александра.

В воздухе послышался гул самолетов. Солдат взглянул на небо, и его лицо изменилось.

Промолчав, он отвернулся, опустил голову и сгорбленно пошел прочь. По дороге он сильно пнул канистру с бензином и ускорил шаг. В небе показались самолеты. Кромсая облака на части, они прогоняли врага восвояси.

Между тем уже почти вся деревня полыхала и походила на огненный котлован. Горящие искры витали в воздухе, деревянные дома сгорали в секунды под натиском прожорливого пламени.

Обеспокоенные люди бегали вокруг своих домов, размахивали руками, пытались как-то остановить беду. Дети же шумной ватагой убежали поглазеть на вспыхивающий с новой силой спиртзавод. Тот горел ярким пламенем и освещал все в округе. Даже густой лес, казалось, горел - настолько ярким был свет.

Подул сильный ветер, и огонь от соседнего дома вот-вот норовил коснуться дома Репниных. Александра аккуратно отдала маленького Васю в руки среднего сына и велела детям отойти на безопасное расстояние. Сама же вбежала в дом, схватила в руки икону с изображением Спасителя и, выйдя вновь на улицу, стала ходить вокруг дома, громко произнося молитву Отче Наш. После первого круга огонь с соседнего участка лишь усилился. Но женщина не отступала и сделала еще один круг. В душе царило неясное спокойствие и твердая вера. И только на ее лице был испуг - небольшая уступка вконец ослабевшей плоти.

После второго круга соседний дом покосился и стал падать, но женщина твердо решила на третий, сжав крепче икону в руках. Языки пламени уже касались ее ног, искры обжигали руки. Вдруг подул сильнейший ветер и переменял направление. Огонь тут же отступил, и хлынул дождь как из ведра. Крупные капли, одна за одной, падали на уставшую от кровопролития землю, смывая грязь, весь человеческий гнев, страдания и горькую печаль, отпечаток которых сохранит история навеки.

Немцев нигде не было видно, местные жители сидели на выжженных порогах рухнувших домов. Головы одних были опущены - они гневались и винили всех вокруг. Другие смотрели на прокопченное небо, и с их уст слетали слова благодарения Богу за все человеческие жизни, за тех, что еще могли дышать и ступать по земле.

Остановившись перед домом, Александра горько заплакала. Мокрая от дождя одежда прилипла к исхудавшему телу, волосы облепили лицо. Кистью руки она убрала их назад. В нескольких шагах от матери, завернутые в промокшее до нитки одеяло, тряслись от холода ее дети. Ваня крепко сжимал младшего брата, который громко кричал. Лиля прижалась к старшему брату, стуча зубами от холода. Позади них догорали дома, косой дождь стремился усыпить последние очаги пламени. Никогда раньше Александре не доводилось бывать такой грустной и счастливой одновременно. Одна часть ее семьи была жива, другую испепелила война. Большого горя невозможно было представить, и разве человек способен продолжать существование с расколотым надвое сердцем? Он либо умрет от терзаний по усопшим, либо посвятит себя живым. Рано или поздно перед каждым из нас встает выбор и истинный путь способно подсказать только сердце. Но порой жизнь и вовсе не оставляет выбора.

В любом случае следует жить дальше. А разглядеть маленький лучик солнца сквозь затянутое тучами небо - не это ли является истинным счастьем и мотивом для дальнейшего пребывания на земле?

Глядя на мать, дети вдруг откинули одеяло в сторону и бросились к ней. Семья слилась в единых объятиях, где каждый старался обнять другого крепче. Даже маленький Вася, перестав кричать, тянул к матери маленькие ручки. В это мгновение каждый член семьи почувствовал невыразимое, сильнейшее тепло в области груди, исходившее из самых глубин человеческих. Казалось, крепкие объятия Аполлона и Федора Платоновича присоединились к ним, обнимая весь мир своей любовью.

...

Восстановительные работы шли полным ходом. Погода была солнечная и летняя. И только теплый ветерок покачивал ровную речную гладь. Окончательная победа Советского Союза над фашизмом гремела приятным басом диктора по всем радиоточкам необъятной страны, а возможно, и мира. С улыбкой на лице и печалью в сердце семьи недосчитывались глав семейств, но с рвением и энтузиазмом пилили лес, выстраивали дома заново и всем своим видом показывали, что они сильнее любой катастрофы. Приезжали незнакомые люди из города на грузовиках марки "ЗИЛ". Помогая нуждающимся в еде и рабочей силе, они махали руками прямо с грузовиков, ослепляли улыбками и что-то громко провозглашали. Нередко, некоторые из них, подмигнув местным

вдовам, оставались жить в деревнях и создавали новые семьи.

В один из таких дней, когда Александра стояла в очереди у грузовика, из которого раздавали хлеб, произошло чудо. Подошла ее очередь, она протянула руку за хлебом, и бойкий парень в кепке протянул ей буханку. Она подняла глаза, и из-за кепки выглянуло родное лицо. Женщина вскрикнула и уронила хлеб. Ловким движением парень перепрыгнул через борт грузовика, поднял хлеб, стряхнул с него грязь и протянул матери. Аполлон возмужал и был удивительно похож на своего отца в день первой встречи с Александрой. Вот только взгляд их различал - взгляд Аполлона вобрал в себя всю силу человеческой боли и в то же время огромное желание жить.

- Федор, - прошептала Александра, не веря своим глазам. Она стояла неподвижно, боясь спугнуть того, кто был перед ней. А вдруг это всего лишь фантазия расшатанного воображения?

- Ах, мама, мама, - улыбнулся Аполлон и обнял ее как можно крепче. - И ты туда же! Это ведь я, Аполлон!

Обняв сына, Александра высвободилась из его объятий, обхватила его лицо своими руками и внимательно посмотрела сыну в глаза.

- Мама, это я, - смеялся Аполлон. Александра переводила взгляд с одного его глаза на другой:

- Но где же ты был все это время? Мы думали, что ты...

- Не надо, мама, пожалуйста, - взмолился сын. - Я жив! Видишь?

Любящая мать вновь обняла его и беззвучно заплакала.

- Ну, хватит, - пытался успокоить ее старший сын. - Все хорошо. Сейчас мы пойдем домой, но сначала я тебя кое с кем познакомлю. Лариса! - позвал он, обернувшись к грузовику.

Из кузова грузовика показалась девушка удивительной красоты. Появившись, она затмила собой солнце. На ней было цветное платье в горошек, которое очень ей шло. Волосы были заплетены в длинную косу, спускающуюся по изящной спине. Девушка состроила милейшую гримаску, и Аполлон помог ей спуститься с грузовика.

- Мама, - заявил он. - Это твоя вторая дочь!

- И пятый ребенок в нашей семье, - исчерпав слезы в голосе, улыбнулась Александра. Аполлон удивленно вскинул брови:

- Как пятый?

- Тебе еще предстоит познакомиться с твоим маленьким братиком.

Лариса захлопала в ладоши. Аполлон прыгнул от счастья:

- Правда? Тогда идем скорее домой. Ребята, - обратился он к молодым людям в грузовике, раздающим хлеб. - Я вернусь к вечеру!

- Везет тебе! - слышалось из автомобиля.

- Нас с собой возьмешь?

- Принеси с собой дров!

- Не задерживайся!

Но Аполлон уже не обращал на них никакого внимания. Он обнял с одной стороны маму, с другой - любимую девушку и двинулся навстречу солнцу - к родному дому, из которого когда-то убежал, возвращался и вновь покидал, к дому, который уцелел при пожаре и простоят на этой земле еще не один десяток лет.

Первым Аполлон увидел своего младшего брата Ваню. Тот с азартом выкрашивал деревянный заборчик во дворе в свежие тона. Из-под кисточки вылетали брызги. Они-то и испачкали чудо-маляру всю одежду и лицо.

- Ваня! - вскричал старший брат и бросился к дому.

- Ап... не может этого... Аполлон!

Откинув кисточку в сторону, младший брат побежал навстречу старшему. Крепко обнявшись, они стали оба в краске.

Аполлон представил брату свою невесту, и они все вместе вошли в дом. Лиля так и бросилась на шею брата, долго целовала его и не могла наглядеться. В ее светлом взоре царило счастье, и лицо озарила самая неподдельная из улыбок, какая бывает только у детей, еще не вкусивших самых

горьких плодов жизни. Затем Аполлон долго рассматривал маленького Васю, и с каждой секундой его серьезное лицо становилось добрее.

- Истинный аристократ, - наконец заключил он в привычной манере, держа маленькую пятерню в своей ладони. - Пальцы тонкие и длинные, ногти изящной формы. Настоящий Репнин!

Вася внимательно изучал взглядом ладонь старшего брата, и кто знает, какие мысли пролетали в маленькой головке с редкими светлыми волосенками?

Целый день семья чувствовала себя словно в музее изобразительных искусств. Окружающие не могли отвести взгляд от Аполлона, он - от них. Старший сын в семье, он долго рассказывал о своем удивительном спасении. О том, как он упал без чувств на дороге близ Черехова, пролежал там долгое время. И когда его тело уже почти скрылось под придорожной пылью, черные вороны кружили над ним, по дороге проезжала пустая повозка, запряженная старой клячей, которой управлял не менее дряхлый старик. Он-то и разглядел мальчика у обочины, с трудом и матом взвалил его на повозку и поехал дальше. Через некоторое время мальчик пришел в себя и дядя Кондрат - так звали старика, накормил мальчика залежавшимся салом и коркой черствого хлеба. Некоторое время Аполлон помогал старому Кондрату возить воду в город и жил у него. В Черехове он много раз пытался найти место захоронения отца, встретить фрау Агну и разузнать у нее хоть что-нибудь. Но все попытки оказались бесполезными: свежих холмиков на кладбище не было, сумасшедшую женщину тоже никто не знал. И сколько раз на глаза ни попадались немецкие солдаты, ни арестованного Аполлона офицера, ни солдат Ганса и Дитриха мальчик так и не видел. Словно то был кошмарный сон.

- Видишь это ведро с водой? - бывало, указывал морщинистым пальцем старик на трясущиеся ведра в повозке, когда они с Аполлоном в очередной раз направлялись в город.

- Какое из них? - спрашивал мальчик.

- Любое.

- Вижу.

- Так вот ведро с водой как человек с душой.

- Это как? - чесал затылок Аполлон.

- Доехал до города, и нет воды, - Кондрат стеганул кнутом лошадь. - А путь-то уж больно короткий. За один день можно несколько раз преодолеть.

Так и жил, благодаря старика за жизнь помощью, Аполлон, пока Кондрат его сам не попросил уйти.

- Ступай, сынок, - однажды сказал он. - Опасно здесь. У тебя еще целая жизнь впереди, а меня уж на том свете заждались.

Попрощавшись со стариком, мальчик отправился в Сосновку - к той самой, по которой истосковалось юное сердце и которая навек сохранила веточку вербы - символ первой встречи и истинной любви с первых секунд. Образ плывущей веточки напоминал Ларисе о том, что каждый человек плывет по ручейку своей жизни и однажды он обязательно примкнет к берегу, на котором его уже будет ждать человеческое сердце, готовое биться всю жизнь только ради него одного. Важно лишь не спутать берега.

Пробыв в Сосновке до самого окончания войны, Аполлон пообещал Ларисе, стоя на одном колене и сжимая в руке ее руку, а в зубах - ромашку, жениться на ней. Бабушка была не против. Раскачиваясь по привычке, словно огромное судно в шторм из стороны в сторону, она плавала по дому, охала, ахала и размахивала от счастья руками. После того как дети покинули ее, она денно и ночью что-то готовила и раздавала свою стряпню каждому встречному-поперечному, нуждающемуся и обездоленному. Приглашала каждого на ночлег и заботилась, как о родном. Жизнь вновь обрела для нее смысл. А давать ежедневно взаймы самому Господу - не является ли это достойнейшим из смыслов?

Александре очень понравилась Лариса - девушка имела удивительное свойство нравиться всем. Она была общительна. Каждый ее жест, улыбка и непринужденное отношение ко всему вызвали симпатию у окружающих и особенную гордость в душе жениха. Девушка всегда готова была

прийти на помощь и относилась ко всем с уважением. Она дополняла Аполлона - у него не получалось так легко сходиться с людьми, хотя он этого и очень хотел. В большинстве случаев он просто молчал. Глядя на другие союзы в будущем, он осознал, что человек может быть счастливым только с тем, с кем может позволить себе быть собой.

Тот памятный вечер встречи прошел как на коне с золотыми стременами и бархатной попоной. Братья взахлеб рассказывали друг другу удивительные истории последних лет. Маленький Вася наблюдал за ними из своей постельки, а Александра и Лариса шептались о чем-то своем, готовя праздничный ужин на кухне.

Чудовищные лишения Второй Мировой войны скрепили семьи, деревни, города, области, нашу родину крепкими нитями, и уже ничто на земле не в силах поколебать русский дух, патриотизм и веру в Бога!

...

Курортный городок в Краснодарском крае втиснулся меж Кавказских гор, где река огибает его полукругом. На территории города стоит санаторий, и в его отделениях течет из железных краников лечебная вода. Санаторий окружают с одной стороны покрытые вековыми деревьями горы, с другой - одноэтажные жилые дома. В одном из них живет пожилая бабушка, чья улыбка и блеск глаз говорят об удивительно молодой душе. Бабушку зовут Лидия Федоровна. По вечерам она обычно садится в свое излюбленное (одно из двух в комнате) кресло, включает телевизор (комната наполняется цветами, в которых представлены телепередачи) и смотрит вечерние новости. В один из таких вечеров телеведущий (он нравился бабушке, и именно поэтому она включала этот канал) немного наклонился к зрителям, его лицо стало серьезнее обычного.

Поправив стопку бумаг на своем столе, он стал говорить:

- Волнения на Украине начались в конце прошлого года, после того как президент страны Виктор Янукович 29 ноября 2013 года отказался подписывать договор об ассоциации с ЕС. По мнению главы государства, договор навязывал Украине кабальные условия и мог негативным образом повлиять на экономику страны. В тот же день на Площадь независимости в Киеве вышли сторонники евроинтеграции. Они разбили на площади палаточный городок. Поначалу протест протекал мирно, однако уже 1 декабря 2013 года митингующие захватили здания Дома профсоюзов в Киеве и Киевской городской государственной администрации. Была также совершена попытка атаковать здание Администрации президента Украины. Митинги приняли антипрезидентский и антиправительственный характер. Если изначально митингующие выступали за подписание договора об ассоциации с ЕС, то в дальнейшем они начали выдвигать требование о проведении досрочных парламентских и президентских выборов...

Лидия Федоровна подалась вперед к телеэкрану, лучи которого осветили тревогу на пожилom лице. Ведущий продолжал:

- Ситуация обострилась сразу после Нового года. 16 января Верховная рада Украины приняла ряд поправок в законодательство, предусматривающих уголовную ответственность за экстремизм. Также было ужесточено наказание за организацию массовых беспорядков. Это привело к тому, что уже в ночь с 19 на 20 января демонстранты подожгли несколько грузовиков и автобусов, которые спецназ использовал для перекрытия проезжей части. 27 января власти договорились с протестующими об отмене «законов 16 января». В итоге в ночь с 29 на 30 января Рада большинством голосов приняла законопроект об амнистии участников беспорядков. 31 января президент Украины подписал законопроект об амнистии участников протестов. Ситуация вновь обострилась 18 февраля 2014 года. В этот день в центральной части Киева начались фактически боевые действия между органами правопорядка и митингующими. Манифестанты жгли в центре города покрышки, закидывали милиционеров бутылками с зажигательными смесями. Беспорядки распространились по всей западной части страны. Митингующие начали захватывать здания городских и областных администраций, были случаи нападения на отделы милиции, воинские части и милицейские патрули.

На глаза бабушки навернулись слезы, она прикрыла рот трясущейся рукой (старое кольцо с

камешком блеснуло на тонком длинном пальце).

- 21 февраля власти Киева предприняли попытку урегулировать политический кризис на Украине. Соответствующее соглашение между властями и оппозицией было подписано при посредничестве представителей Евросоюза и России. Оно предусматривало создание правительства народного доверия, проведение досрочных президентских выборов, отвод сил правопорядка из центра Киева и сдачу оппозицией оружия. Власти свою часть обещаний выполнили, однако оппозиция не прекратила вооруженного сопротивления. В результате Виктор Янукович был вынужден покинуть территорию страны. Власть в Киеве перешла к назначенному Верховной радой исполняющему обязанности президента страны Александру Турчинову. Кресло и.о. премьера занял Арсений Яценюк. Одним из первых шагов самопровозглашенного правительства стала инициатива об отмене закона об особом статусе русского языка на Украине. Это вызвало недовольство русскоязычного населения. В восточных областях страны начались митинги против действий новых властей Украины. Крым 16 марта провел референдум, на котором большинство населения приняло решение о присоединении полуострова к России. Митингами оказались охвачены весь восток и юг страны - Харьков, Донецк, Херсон, Николаев, Одесса и другие города...

Лидия Федоровна взяла небольшой черный пульт с колен и выключила телевизор. Посмотрела в окно. Ей почудилось, что к дому подъехал автомобиль. Послышалась немецкая речь. В дверь сильно постучали. Лидия Федоровна закрыла глаза. Непонятный страх и тревога наполнили все ее существо... Вот мать берет ее, двухлетнюю девочку, на руки и поспешно уносит из дома. Лицо матери озабочено, как и лица двух старших братьев, бегущих позади. На миг появляется статная фигура Федора Платоновича - ее отца и самого любимого человека на земле. Он улыбается и подмигивает маленькой Лиле. Она машет ему маленькой ручкой в ответ. И почему только ее уносят от него? Ведь он такой большой и добрый. Он так ее любит...

В тот день маленькая Лиля видела своего папу последний раз в жизни. С того момента прошло более 70 лет, а папа так и не пришел обнять свою единственную дочь...

Глядя на экран телевизора, Лидия Федоровна вновь почувствовала себя маленькой девочкой и словно ощутила весь страх и ужас надвигающейся войны. Она прожила на свете долгие годы, но так и не сумела понять, зачем люди убивают друг друга, делят территории, развешивают свои флаги? И разве нельзя жить мирно, любить, делать добро и просто жить? Люди убивали, убивают и будут убивать друг друга. Такова закономерность. Вся история существования человечества окрашена красным кровавым цветом. И так будет всегда... Но разве не может однажды пролиться на землю такой яркий свет, что навсегда изменит ход вещей и люди возлюбят друг друга как самих себя? Исчезнет вся земная грязь, а вслед за ней свежие потоки любви освятят все живое на земле. Это идеал, но именно к нему следует стремиться всю жизнь.

Лидия Федоровна плакала слезами всех ветеранов и погибших во времена Второй Мировой войны. Глядя на выключенный экран, она не могла поверить, что когда-либо потомство будет чтить память павших, разжигая междоусобные войны!

P. S.

Александра Репнина проработала всю свою жизнь на заводе, одна воспитала четверых детей и отошла в мир иной на 84-м году жизни. Ее большое сердце радовалось при виде детей, появлении внуков и правнуков. Семьи Аполлона и Лидии Репниных обосновались в Краснодарском крае, Иван уехал на Сахалин, а Василий остался в Белоруссии. Время старших братьев уже пришло, и они ушли в вечность вслед за матерью. Лидия и Василий здравствуют по сей день и радуют свое потомство крепким здоровьем и неисчерпаемой любовью к жизни. Немецкому генералу, что так щедро сыпал конфетами в голодные дни войны, так и не удалось вернуться на родину. Он погиб на фронте в одном из кровопролитных сражений. Повесть основана на реальных событиях.